ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

РОССИЯ И ЗАПАД

ОТ МИФОВ К ИСТИНЕ

Валерий Шамбаров

Россия и Запад.
От мифов к истине

«Книжный мир»

2015

Шамбаров В. Е.

Россия и Запад. От мифов к истине / В. Е. Шамбаров — «Книжный мир», 2015

ISBN 978-5-8041-0792-6

В книге В.Е. Шамбарова рассматриваются типичные для западной историографии ложь и передергивание фактов, якобы, подтверждающих русское невежество, пьянство, отсталость, агрессивность и жестокость. Автор показывает полную несостоятельность такого взгляда на нашу историю и дает подлинную картину развития уникальной русской цивилизации от древнейших времен до преобразований Петровского времени. Правда ли, что русская государственность была импортирована к нам с Запада? Где на самом деле было подлинное Возрождение культуры, в Европе или в России? Кто первый создал регулярную армию? Чем превосходила русская соборность европейский парламентаризм? Когда началась промышленная революция на Руси? Автор дает на эти вопросы ответы, которые убедительно свидетельствуют: наша страна ни в чем не отставала от Запада в социально-политической и культурно-экономической жизни, а во многом и превосходила страны Европы. Эта увлекательная книга содержит множество интересных и малоизвестных исторических фактов и будет полезна как старшеклассникам и студентам, так и всем любителям отечественной истории.

ISBN 978-5-8041-0792-6

© Шамбаров В. Е., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

Как фальсифицируют историю России 6
Россия и Запад: от выдумок к истине 11
Химеры норманнизма 16
Основатель династии 21
Блеск «Гардарики» во мраке средневековья 26
Святослав – победитель хазар 31
Александр Невский – святой витязь России 36
Гибель Византии – урок для России 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Валерий Шамбаров
Россия и Запад. От мифов к истине

Как фальсифицируют историю России

Исторические фальсификации – явление далеко не новое и отнюдь не случайное. Политическое (и духовное) соперничество во все времена сопровождалось информационными войнами. А наша страна была вовлечена в такое соперничество веками. С XIV столетия она боролась за свое существование с Литвой и Польшей. В XVII веке победила, завоевала лидерство в Восточной Европе, но в это же время выделился лидер Западной Европы, Франция. Сперва она боролась с Россией чужими руками, натравливала шведов, турок, в прямом столкновении Наполеоновских войн проиграла – но тут же, без какой-либо передышки, развернулось соперничество с Англией, Россия стала для нее главным конкурентом. Потом Англию сменили США.

А кроме политического, экономического, торгового соперничества Россия приняла на себя миссию оплота мирового Православия. Тем самым она оказалась противницей и для воинствующего католицизма, и для протестантских течений, и для темных оккультных, сатанинских сект, и для атеистических партий и группировок. В общем, удивляться вражде не приходится. Ведь Сам Господь предупреждал: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, поэтому ненавидит вас мир» (Инн, 15, 18–19).

И как раз в русле информационных войн рождались исторические фальсификации. Они кочевали из эпохи в эпоху, их перенимали у предшественников, и формировались своеобразные стереотипы, устойчивые, с претензиями на объективность. Хотя суть их всецело определялась описанным выше соперничеством. Всем противникам надо было представить Россию не иначе как в образе врага – агрессивного завоевателя, поработителя, тюрьмы народов. А русских требовалось изобразить как можно более неприглядно и карикатурно. Отсюда и производились мифы о русской дикости, жестокости, рабстве, пьянстве, невежестве, отсталости. Все ценное объявлялось позаимствованным на Западе. Россия для мировой цивилизации выставлялась не только бесполезной, а тормозом, помехой прогресса.

Типичный концентрат этих тенденций приведен в работах германского идеолога В. Хена накануне Первой мировой войны: «Души русских пропитал вековой деспотизм», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся…Ни один русский не может даже стать паровозным машинистом… Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов».

Естественно, фальсификации нацеливались на граждан государств, противостоящих России, чтобы возбудить и мобилизовать их на борьбу. Но эффективными оказались и идеологические диверсии, внедрение лжи среди самих русских. Эту опасность увидел еще в XVII в. хорватский мыслитель Юрий Крижанич – католический шпион, который тоже писал негатив о России, но побывал в ссылке в Сибири, получше узнал нашу страну, и на многое стал смотреть иначе. Он называл такую угрозу «чужебесием». «Ничто не может быть более гибельным для страны и народа, нежели пренебрежение своими благими порядками, законами, языком и присвоение чужих порядков и чужого языка и желание стать другим народом».

Тем не менее, «чужебесие» в России утвердилось – под маркой «западничества». Оно сказалось и в исторической науке, перенимавшей иностранные взгляды и оценки, рождались нелепые теории наподобие норманнизма. Бездоказательные и достаточно легко опровергающиеся, но, невзирая ни на что, чрезвычайно устойчивые, живущие и за рубежом, и в нашей стране до сих пор.

Отметим и такой немаловажный факт. Во всех государствах историки тщательно приукрашивали и лакировали свое прошлое. И только в России в XIX в. внедрилась мода на самооплевывание! Причем методики для этого применялись далеко не чистые. Так, о Средневековой Руси писали десятки зарубежных авторов. Писали по-разному. Но свидетельства тех из них, кто восхищался нашей страной, замалчивались. А свидетельства тех, кто хаял (хотя бы и в рамках явных информационных войн) тиражировались, пропагандировались как «общепризнанные».

Ярким примером нечестных манипуляций с первоисточниками может быть знаменитый «Домострой». По разным работам, историческим и публицистическим, кочует одна и та же цитата: «И увидит муж, что непорядок у жены… и за ослушание… сняв рубашку и плетию вежливенько бити, за руки держа, по вине смотря». Казалось бы, неоспоримое варварство? Стоп! Обратите внимание на многоточия. В них пропущены не отдельные слова, а несколько абзацев! Возьмем подлинный текст «Домостроя»: «А увидит муж, что у жены непорядок и у слуг, сумел бы свою жену наставлять да учить полезным советом». Тот же смысл или несколько иной? Или он совсем-совсем иной? А слова о порке относятся вообще не к жене, а к нерадивым слугам.

Я здесь не спорю, правильно это или нет, выпороть слугу, если он, предположим, ворует (может быть, правильнее отправить сразу на виселицу, как делали в Англии вплоть до XIX в.?) Но российские историки, вроде Костомарова, запустившие в оборот цитату с многоточием, читали полный текст «Домостроя». Следовательно, совершили подлог преднамеренно. Кстати, факты подлога можно обнаружить и в переводах некоторых текстов с церковнославянского на современный русский. Спрашивается, зачем? Плюнуть в собственных предков, зато заслужить репутацию «прогрессивного», похвалы за рубежом…

Результат известен. Образованная верхушка общества, дворянство и интеллигенция, отрывалась от национальных корней. От языка, культуры, а потом и от веры. И эта же образованная верхушка, зараженная фальсификатами западничества, воздействовала на простонародье. Все знают повесть Булгакова «Собачье сердце», но мало кто задумывался, что она близка к истине. Благородные и вроде бы порядочные профессора Преображенские и доктора Борментали в самом деле сотворили Шариковых! Но не из собак, а из простых и честных русских людей. К крестьянам, рабочим, к детишкам приходил земский учитель, инженер, агроном, врач, сеял семена атеизма и прочих «прогрессивных» учений. Стоит ли удивляться грянувшей трагедии того же дворянства и интеллигенции? Все произошло по Евангелию. «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мтф., 18, 6).

В бурях XX в. в историческую науку добавилось несколько сортов идеологических фальсификаций. С одной стороны, коммунистические, очерняющие и искажающие дореволюционную действительность. Но появились и антисоветские – искажающие и очерняющие советскую действительность. А для западных держав Советский Союз оставался таким же соперником, как Российская империя, идеология играла чисто прикладную роль. Поэтому из архивов прошлых веков извлекались и перелицовывались старые фальшивки, сочинялись новые – например, в период Холодной войны срочно потребовались подделки истории Второй мировой. Политический заказ требовал превратить СССР из союзника и спасителя мира снова в чудовище, равнозначное поверженному фашизму.

Что же касается нашей эпохи, то в исследованиях и описаниях прошлого исчезли не только идеологические барьеры. Исчезли – точнее, были грубо взломаны, барьеры моральные. Барьеры совести, ответственности, элементарной порядочности. Рухнули любые сдерживающие механизмы, и потоки дезинформация хлещут на людей, как трубы прорвавшейся канализации. В качестве основных направлений этих потоков можно выделить следующие:

1. «Классические» фальсификации, перекочевавшие из прошлых веков. Что русские – агрессоры, постоянная угроза цивилизованному человечеству, а по натуре – темные варвары, дикари, пьяницы и т. п.

2. Те же самые русофобские фальсификации, подхваченные отечественной интеллигенцией и пересаженные на отечественную почву, породили другое направление, эдакий комплекс национальной неполноценности и самоуничижения – у нас, у русских, все не как у людей, хорошо и культурно жить мы не умеем. А за прошлое остается только каяться. Кстати – перед кем? Нет, не перед Господом! Судьями нашего покаяния приглашают быть иноземцев! Идеологических врагов, которые и осуществили описанную диверсию.

3. Получили дальнейшее развитие идеологические фальсификации, как советские, так и антисоветские. Они, вроде бы, противоположны, непримиримы.

Но можно отметить любопытную особенность. Те и другие отлично укладываются в одно русло, антирусское и антироссийское. Очернители нашей истории отлично пользуются теми и другими одновременно. Опираясь на коммунистические аргументы, обгаживают царскую Россию, а для обгаживания Советской России используют аргументы оголтелых критиков коммунизма.

4. Предпочтительными целями для фальсификаторов становятся ключевые фигуры в истории России. Св. Владимир Креститель, Св. Андрей Боголюбскиий, Св. Александр Невский и др. Можно даже выявить закономерность, чем больше сделал для страны тот или иной деятель, тем гуще и настойчивее его стараются очернить.

5. Таким же образом атакам подвергаются ключевые события отечественной истории. Приоритет в данном отношении принадлежит Великой Отечественной войне. И это тоже вполне объяснимо. Чтобы поливать клеветой Россию, надо в первую очередь затушевать и перечеркнуть самый яркий, самый грандиозный ее подвиг, спасший весь цивилизованный мир. Если не перечеркнуть, то и в остальных отношениях клевета будет плохо «прилипать», сохранятся симпатии.

6. Получили новую жизнь националистические фальсификации о порабощении русскими Прибалтики, Украины, Кавказа, Средней Азии. А также псевдонацоналистические-попыткидальнейшегорасчленения нашего народа. Например, признание отдельной нацией казаков, причем нацией, тоже порабощенной русскими. Разработкой этих теорий занимались еще кайзеровская Германия, потом подхватила Германия нацистская, потом их сочли полезными и подходящими американские идеологи, и сейчас плоды их совместного творчества вовсю гуляют по России.

7. Появились и теории, противоположные западничеству. Пример – евразийство. Отрицается монголо-татарское иго, ордынские ханы признаются чуть ли не русскими царями, объявляется о симбиозе Руси и азиатских народов. Теории, на первый взгляд, дружественные нашей стране, призывающие вместе противостоять общим недругам и общим клеветникам. Хотя если разобраться, получается аналог того же западничества с переменой знака. Самостоятельная роль русского народа принижается, ему предлагается модель подчинения, но не Западу, а Востоку.

8. Новым в нашу эпоху стало направление фальсификаций, вроде бы, патриотическое, прорусское – неоязыческое. Всплывают сенсационные труды о некой исконной мудрости, древнейших славянских традициях и цивилизациях. Но в действительности подобные тео-

рии также оказываются чрезвычайно опасными и разрушительными. Порождая ложные традиции, они нацеливаются на подрыв истинных традиций России, православных.

9. Наконец, появились направления «исторического терроризма», нацеленные на взрыв самого фундамента исторической науки. Самый яркий пример – так называемая «Новая хронология».

Процессы внедрения исторических подделок на современном этапе обладают определенными особенностями:

· Воздействие носит массированный и явно целенаправленный характер. Самые опасные фальшивки подкрепляются весьма солидными источниками финансирования и выплескиваются огромными тиражами, заполоняя прилавки, как было с работами небезызвестного изменника Резуна (дерзнувшего взять псевдоним «Суворов»), с работами ФоменкоНосовского.

· Еще большие возможности для распространения фальшивок открывает интернет – вот тут уж изливается все что угодно. Болото интернета завлекает и топит в первую очередь молодежь.

· Фундаментальная историческая наука реального противодействия фальсификациям не оказывает. Возможности ее ограничены, финансирование оставляет желать много лучшего, тиражи академических изданий мизерны. Впрочем, и сами российские историки нередко пребывают в плену фальсификаций: все тех же советских или антисоветских, или западнических. Достаточно вспомнить школьный учебник истории, где утверждалось, что поворотным пунктом Второй мировой войны являлась вовсе не Сталинградская битва, а сражение американцев с японцами при атолле Мидуэй.

· Впрочем, научные методы борьбы, привычные и традиционные для прошлых эпох, теперь, как правило, не дают результатов. Фальсификацию можно опровергнуть, разоблачить, но ее продолжают распространять как ни в чем не бывало. Определяющим фактором оказывается вовсе не логика, не доказательства правоты, а массированное воздействие.

Если же обобщить все направления фальсификации, можно увидеть, к чему они ведут. Русских людей приучают к мысли, что у них не было великого и славного прошлого. Что достижениями предков и именем русского можно только стыдиться. Молодое поколение отвращают от родной истории. Дескать, ничего хорошего там нет! Вонь, грязь и позор, зачем туда соваться? Мешанина всевозможных сенсаций и псевдосенсаций, на первый взгляд, играет обратную роль. Привлекает к себе, вызывает повышенный интерес к истории. Но в действительности оно тоже отвращает. Увлекшись и наигравшись бредовыми сенсациями, народ устает от них. И охладевает к истории как таковой – если в ней все непонятно, перекраивается то так, то эдак, стоит ли лезть в эту путаницу?

Результаты удручающие. Нынешняя молодежь в своем подавляющем большинстве вообще не знает своей истории и не интересуется ею. На Всероссийских сборах военно-патриотических клубов мне довелось экзаменовать 16–17 летних финалистов исторического конкурса. Ответы способны были привести в ужас: «Какой князь выиграл битву на льду Чудского озера? – Юрий Долгорукий», «Кто сражался против Дмитрия Донского на Куликовом поле? – Хан Батый», «Какой царь построил русский военный флот? – Николай II».

Если же кто-нибудь историей все-таки интересуется, на свалках интернета, телевидения и желтой литературы он набирается совершенно безумной фантастики. Например, в Монинской кадетской школе на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны один из курсантов сам вызвался рассказать, что он знает об этих событиях. Его рассказ вогнал ветеранов в полный шок: «Война началась 1 сентября 1939 г., когда Сталин напал на Польшу. Вмешались немцы, так двинули, что наши драпали до Москвы. Потом американцы высадили десант в Белоруссии и выправили положение…»

Что получается? А получается, что у России пытаются уничтожить ее прошлое. Уничтожают саму Россию, но мало того, стараются стереть из памяти и былую державу! Стереть из памяти потомков, а значит и всего человечества. Вообще выкорчевать нашу страну с лика земли, будто ее никогда и не существовало.

Впрочем, прошлое неотделимо от настоящего. Если народ отрывается от своих исторических, духовных и культурных корней, он разрушается и погибает. Оторви от корней траву – она завянет и развеется ветром. Оторви народ – будет то же самое. Люди-то останутся, но их больше ничто не связывает воедино. Они больше не являются исторической общностью. Растворяются в других народах, меняют язык, веру. Или, допустим, спиваются, вымирают. Увы, история, знает такие случаи.

Россия и Запад: от выдумок к истине

В нашей стране еще с XVIII–XIX вв. внедрилась весьма своеобразная методика изучения истории. Отдельно преподносится всемирная (а на самом деле, история западной цивилизации) и отдельно отечественная. А для оценок выбран единственный критерий «прогресса» – когда и на каком этапе Россия «догоняла» Европу. Зачем ей требовалось играть в догонялки, подразумевается автоматически. С одной стороны некое «сонное царство», общее невежество, грязь, нищета, рабство. С другой – блестящая Франция, мудрая Англия, роскошная Италия, деловая и аккуратная Германия… Но если от «общепризнанных» стереотипов перейти к реальности, подобное сопоставление сразу дает трещины.

Дело в том, что все западные авторы имели (и имеют) вполне понятную тенденцию приукрашивать и лакировать свое прошлое. Для российских историков, зараженных либерализмом и «западничеством», было характерным обратное стремление. Принизить собственных предков, подстраиваясь к зарубежным мнениям. Но на формирование массовых стереотипов оказали определяющее влияние даже не предвзятые исторические труды, а художественные романы и кинофильмы. Возьмем хотя бы допетровский XVII в. В России, как предполагается, полное «варварство», которое начнет выправлять только царь-реформатор, прорубая «окно в Европу», а за границей – сразу предстают перед глазами образы куртуазных дам, галантных кавалеров, ученых. Ну кто не помнит яркие картинки, как храбрые и изысканные мушкетеры щелкают каблуками по паркету Лувра или по парижским мостовым?

Хотя стоило бы учитывать, что подобные картинки имеют слишком мало общего с истинными фактами. Да, Запад любил роскошь и блеск. Но достигались они вовсе не за счет научного прогресса или более совершенных общественных систем, а за счет чрезвычайно крутого выжимания соков из собственного простонародья и начавшегося ограбления колоний. Да и блеск, если разобраться, оказывался сомнительным. Например, если уж говорить о тех же мушкетерах, то их было всего 2 роты, они составляли личную охрану короля. Кроме них, во Франции было 2 полка гвардии. Только они получали жалованье и носили форму – никаких иных регулярных частей во Франции еще не существовало. Остальная армия собиралась из личных отрядов вельмож, из наемников, и представляла собой разномастный сброд. В отличие, кстати, от России, где имелся 10-тысячный великолепный корпус стрельцов, а с 1630 года начали формироваться полки «нового строя»: солдатские, драгунские, рейтарские, гусарские. В 1660-х гг. их было уже 75.

Цокать каблуками по паркетам мушкетерам было бы трудновато. В их времена полы во дворцах устилали соломой. А солому меняли раз в неделю. Потому что туалетов еще не было. Впрочем, в Англии они появились в 1581 г. – британцы торговали с русскими и турками и позаимствовали полезное новшество. Но другие европейские государства перенимать его не спешили. Во Франции даже сто лет спустя пользовались горшками, с ними по дворцу ходили особые слуги. На балах и приемах их не хватало, господа аристократы справляли нужду по углам, дамы присаживались под лестницами, и одна из германских принцесс жаловалась: «Пале-Рояль пропах мочой». Поэтому у королей было по несколько дворцов. Время от времени они переезжали, а оставленную резиденцию мыли и чистили. Но и сами европейцы гигиеной не отличались. Культ чистоты они восприняли гораздо позже, в XIX в. – от китайцев (в тропическом климате грязь вела к опасным инфекциям). В общем-то, и раньше перед глазами западных граждан был пример более здорового образа жизни: русские ходили в баню не реже двух раз в неделю. Но подобный обычай иноземные гости описывали как экзотический и «варварский». Даже смеялись над ним. Англичане указывали

на свои поверья, что купание приводит к тяжелым болезням, сокрушались, что частое мытье «портит цвет лица» русских женщин.

Ни бань, ни ванн не было даже в королевских покоях. Вши и блохи множились в прическах, под париками и считались вполне нормальным явлением. В Англии вошь называли «спутник джентльмена». А во Франции уже в конце XVII в., в эпоху Людовика XIV, сборник правил хорошего тона поучал, что в гостях за столом не надо причесываться, дабы не поделиться своими насекомыми с соседями. Тот же сборник наставлял кавалеров и дам, что не мешает хотя бы раз в день (!) помыть руки. А еще лучше при этом сполоснуть и лицо.

Именно нечистоплотность породила знаменитую французскую парфюмерию. Заглушая запахи пота и немытого тела, аристократы щедро поливались духами – они тогда напоминали крепкие одеколоны. А чтобы скрыть грязь, прыщи и угри, дамы обсыпали лицо, плечи и грудь толстенным слоем пудры. Увлекались и притираниями, кремами и эликсирами из самых сомнительных компонентов, нередко доводя себя до экзем и рожистого воспаления.

Кушали в Европе, как правило, руками. В нашей стране вилки употреблялись еще со времен Киевской Руси, они найдены и при раскопках Москвы. В Италии они появились в конце XVI в., а во Франции внедрились лишь в XVIII в. А кровати делались огромных размеров. В них укладывались муж, жена, дети, вместе с семьей могли положить и гостя. А слуги и подмастерья ночевали на полу, вповалку. Да и речь европейцев очень отличалась от изысканных оборотов, привычных нам по романам и фильмам. Так, один из мемуаристов передает диалог тогдашних аристократов. Герцог де Вандом интересуется: «Вы, наверное, примете сторону де Гиза, раз уж вы (непристойное слово)… его сестру?» На что маршал Бассомпьер отвечает: «Ничего подобного, я (непристойное слово)… всех ваших теток, но это не значит, что я стал вас любить».

Что касается рыцарского отношения к дамам, то и эти представления перекочевали в наше сознание из романов XIX в. А в Эпоху Возрождения германский поэт Реймер фон Цветтен рекомендовал мужьям «взять дубинку и вытянуть жену по спине, да посильнее, изо всей силы, чтобы она чувствовала своего господина и не злилась». Книга «О злых женщинах» учила, что «осел, женщина и орех нуждаются в ударах». Даже дворяне откровенно, за деньги, продавали красивых дочерей королям, принцам, аристократам. Подобные сделки считались не позорными, а крайне выгодными. Ведь любовница высокопоставленного лица открывала путь к карьере и обогащению родных, ее осыпали подарками. Но могли подарить другому, перепродать, отлупить. Английский король Генрих VIII в приступах плохого настроения так избивал фавориток, что они на несколько недель «выходили из строя». А на простолюдинок нормы галантности вообще не распространялись. С ними обращались, как с предметом для пользования.

Хозяйство европейских стран оставалось преимущественно аграрным. Крестьяне составляли 90–95 % населения. Крупных городов было мало – Париж (400 тыс. жителей), Лондон (200 тыс.), Рим (110 тыс.) Прочие центры – Стокгольм, Копенгаген, Бристоль, Амстердам, Вена, Варшава, ограничивались 2040 тыс. жителей, а население большинства городов не превышало 1–5 тыс. Но характерной их чертой была грязь и скученность (до 1000 человек на гектар).

Дома втискивались в узкое пространство крепостных стен, их строили в 3–4 этажа, а ширина большинства улиц не превышала 2 метров. Кареты через них не проходили. Люди пробирались верхом, пешком, а богачей слуги носили в портшезах. Даже в Париже была вымощена только одна улица, бульвар Cours la Reine являлся единственным местом прогулок знати, куда выбирались «себя показать». Прочие улицы не мостились, тротуаров не имели, и посреди каждой шла канава, куда прямо из окон выбрасывались отходы и выплескивалось содержимое горшков (ведь в домах туалеты тоже отсутствовали). А земля в городе стоила

дорого, и, чтобы занимать меньшую площадь, второй этаж имел выступ над первым, третий над вторым, и улица напоминала тоннель, где не хватало света и воздуха, скапливались испарения от отбросов.

Путешественники, приближаясь к крупному городу, издалека ощущали смрад. Но горожане привыкали и не замечали его. Антисанитария нередко вызывали эпидемии. Оспа прокатывалась примерно раз в 5 лет. Наведывались и чума, дизентерия, малярия. Только одна из эпидемий, 1630–1631 гг., унесла во Франции 1,5 млн. жизней. В Турине, Венеции, Вероне, Милане вымерло от трети до половины жителей. Детская смертность была очень высокой, из двух младенцев выживал один, остальные угасали от болезней, недоедания. А люди за 50 считались стариками. Они и вправду изнашивались, бедные от лишений, богатые от излишеств.

На всех дорогах и в самих городах свирепствовали разбойники. Их ряды пополняли разорившиеся дворяне, обнищавшие крестьяне, безработные наемники. В Париже каждое утро подбирали по 15–20 ограбленных трупов. Но если бандитов (или мятежников) ловили, расправлялись безжалостно. Публичные казни во всех европейских странах были частым и популярным зрелищем. Люди оставляли свои дела, приводили жен и детей. В толпе сновали разносчики, предлагая лакомства и напитки. Знатные господа и дамы арендовали окна и балконы ближайших домов, а в Англии для зрителей специально строили трибуны (с платными местами).

Но к крови и смерти на Западе настолько привыкли, что для запугивания уголовных и политических преступников их оказывалось недостаточно. Изобретались как можно более мучительные расправы. По британским законам, за измену полагалась «квалифицированная казнь». Человека вешали, но не до смерти, вытаскивали из петли, вскрывали живот, отрезали половые органы, отрубали руки и ноги и под конец – голову. В 1660 г. С. Пинс описывал: «Я ходил на Чаринг-кросс смотреть, как там вешают, выпускают внутренности и четвертуют генерал-майора Харрисона. При этом он выглядел так бодро, как только возможно в подобном положении. Наконец с ним покончили и показали его голову и сердце народу – раздались громкие ликующие крики».

В той же Англии за другие преступления постепенно, по одной, ставили на грудь приговоренному гири, пока он не испустит дух. Во Франции, Германии и Швеции часто применяли колесование. Фальшивомонетчиков варили заживо в котле или лили расплавленный металл в горло. В Польше сажали преступников на кол, поджаривали в медном быке, подвешивали на крюке под ребро. В Италии проламывали череп колотушкой.

Обезглавливание и виселица были совсем уж обычным делом. Путешественник по Италии писал: «Мы видели вдоль дороги столько трупов повешенных, что путешествие становится неприятным». А в Англии вешали бродяг и мелких воришек, утащивших предметы на сумму от 5 пенсов и выше. Приговоры единолично выносил мировой судья, и в каждом городе в базарные дни вздергивали очередную партию провинившихся.

Вот и спрашивается, в каком отношении наша страна должна была «догонять» Европу? Правда, мне могут напомнить, что на Западе существовала система образования, университеты. Но и тут стоит внести поправку – эти университеты очень отличались от нынешних учебных заведений. В них изучали богословие, юриспруденцию, и в некоторых – медицину. Естественных наук в университетах не было. Проходили, правда, физику. Но она (наука об устройстве природы) считалась гуманитарной, и зубрили ее по Аристотелю.

А в результате университеты плодили пустых схоластов да судейских крючкотворов. Ну а медицина оставалась в зачаточном состоянии. Общепризнанными средствами от разных болезней считались кровопускания и слабительные. Безграмотным лечением уморили королей Франциска II, Людовика XIII, королеву Марго, кардинала Ришелье. А ведь их-то лечили лучшие врачи! Более совершенные учебные заведения начали появляться лишь на

рубеже XVI–XVII вв. – школы иезуитов, ораторианцев, урсулинок. Там преподавалась уже и математика. Но изучали ее сугубо по Евклиду, другой математики Европа еще не знала.

К области «науки» европейцы относили магию, алхимию, астрологию, демонологию. Впрочем, о какой образованности можно вести речь, если в 1600 г. в Риме сожгли Джордано Бруно, в 1616 г. запретили труд Коперника «Об обращении небесных тел», в 1633 г. Галилея заставили отречься от доказательств вращения Земли. Аналогичным образом в Женеве сожгли основоположника теории кровообращения Мигеля Сервета. Везалия за труд «О строении человеческого тела» уморили голодом в тюрьме.

И в это же время по всем западным странам увлеченно сжигали «ведьм». Пик жуткой вакханалии пришелся отнюдь не на «темные» времена Раннего Средневековья, а как раз на «блестящий» XVII в. Женщин отправляли на костры сотнями. Причем университеты активно поучаствовали в этом! Именно они давали «ученые» заключения о виновности «ведьм» и неплохо зарабатывали на подобных научных изысканиях.

Что же касается России, то она в данную эпоху развивалась энергично и динамично. Ее нередко посещали иностранные купцы, дипломаты. Они описывали «много больших и по-своему великолепных городов» (Олеарий), «многолюдных, красивой, своеобразной архитектуры» (Хуан Персидский). Отмечали «храмы, изящно и пышно разукрашенные» (Кампензе), восхищались: «Нельзя выразить, какая великолепная представляется картина, когда смотришь на эти блестящие главы, возносящиеся к небесам» (Лизек).

Русские города были куда более просторными, чем в Европе, при каждом доме имелись большие дворы с садами, с весны до осени они утопали в цветах и зелени. Улицы были раза в три шире, чем на Западе. И не только в Москве, но и в других городах во избежание грязи их устилали бревнами и мостили плоскими деревянными плахами. Русские мастера удостоились самых высоких оценок современников: «Города их богаты прилежными в разных родах мастерами» (Михалон Литвин). Существовали школы при монастырях и храмах – их устраивал еще Иван Грозный.

Существовал городской транспорт, извозчики – вплоть до конца XVII в. иноземцы рассказывали о них, как о диковинке, у них такого еще не было. Не было у них и ямской почты, связывавшей между собой отдаленные районы. «На больших дорогах заведен хороший порядок. В разных местах держат особых крестьян, которые должны быть наготове с несколькими лошадьми (на 1 деревню приходится при этом лошадей 40–50 и более), чтобы по получении великокняжеского приказа они могли немедленно запрягать лошадей и спешить дальше» (Олеарий). От Москвы до Новгорода доезжали за 6 дней.

Путешественники сообщали о «множестве богатых деревень» (Адамс). «Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете видеть от 700 до 800 саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой» (Ченслер). И жили-то русские очень неплохо. Все без исключения чужеземцы, побывавшие в России, рисовали картины чуть ли не сказочного благоденствия по сравнению с их родными странами! Земля «изобилует пастбищами и отлично обработана… Коровьего масла очень много, как и всякого рода молочных продуктов, благодаря великому обилию у них животных, крупных и мелких» (Тьяполо). Упоминали «изобилие зерна и скота» (Перкамота), «обилие жизненных припасов, которые сделали бы честь даже самому роскошному столу» (Лизек).

И все это было доступно каждому! «В этой стране нет бедняков, потому что съестные припасы столь дешевы, что люди выходят на дорогу отыскивать, кому бы их отдать» (Хуан Персидский – очевидно, имея в виду раздачу милостыни). «Вообще во всей России вследствие плодородной почвы провиант очень дешев» (Олеарий). О дешевизне писали и Барбаро, Флетчер, Павел Алеппский, Маржерет, Контарини. Их поражало, что мясо настолько

дешево, что его даже продают не на вес, «а тушами или рубят на глазок». А кур и уток часто продавали сотнями или сороками.

Водились у народа и денежки. Крестьянки носили большие серебряные серьги (Флетчер, Брембах). Датчанин Роде сообщал, что «даже женщины скромного происхождения шьют наряд из тафты или дамаска и украшают его со всех сторон золотым или серебряным кружевом». Описывали московскую толпу, где «было много женщин, украшенных жемчугом и увешанных драгоценными каменьями» (Масса). Уж наверное, в толпе теснились не боярыни. Мейерберг приходил к выводу: «В Москве такое изобилие всех вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да еще получаемых по сходной цене, что ей нечего завидовать никакой стране в мире». А немецкий дипломат Гейс, рассуждая о «русском богатстве», констатировал:

«А в Германии, пожалуй, и не поверили бы».

Конечно же, благосостояние обеспечивалось не климатом и не каким-то особенным плодородием. Куда уж было нашим северным краям до урожаев Европы! Богатство достигалось чрезвычайным трудолюбием и навыками крестьян, ремесленников. Но достигалось и мудрой политикой правительства. Со времен Смуты Россия не знала катастрофических междоусобиц, опустошительных вражеских вторжений (восстание Разина по своим масштабам и последствиям не шло ни в какое сравнение с французской Фрондой или английской революцией). Царская армия неизменно громила любых неприятелей – поляков, шведов, татар, персов, под Чигирином похоронила две турецких армии, под Албазином и Нерчинском остановила агрессию маньчжуров и китайцев.

Да и правительство не обирало народ. Все иноземные гости признают – налоги в России были куда ниже, чем за рубежом. Мало того, царь реально защищал подданных от притеснений и беззаконий. Самый распоследний холоп мог передать жалобу непосредственно государю! Сохранившиеся документы показывают, что властитель реагировал, вмешивался, оберегая «правду». А в результате народ не разорялся. Купцы, крестьяне, мастеровые имели возможность расширять свои хозяйства, поставить на ноги детей. Но от этого выигрывало и государство…

К слову сказать, и эпидемии случались гораздо реже, чем в «цивилизованной» Европе. «В России вообще народ здоровый и долговечный… мало слышали об эпидемических заболеваниях… встречаются здесь зачастую очень старые люди» (Олеарий). А если уж продолжать сопоставление, то и крови лилось намного меньше. «Преступление крайне редко карается смертью» (Герберштейн); «Законы о преступниках и ворах противоположны английским. Нельзя повесить за первое преступление» (Ченслер). Казнили лишь за самые страшные преступления, причем смертные приговоры утверждались только в Москве – лично царем и Боярской думой. И уж таких садистских безумств, как массовые охоты на ведьм, наши предки не знали никогда…

Вот так рассыпаются байки о дикой и забитой Руси – и о просвещенной, изысканной Европе. Здесь можно было бы привести сравнительный анализ для других эпох, рассмотреть реальные, а не придуманные картины научного и культурного прогресса, промышленной революции, сопоставить западные и русские модели управления государством, общественные институты. Но, наверное, эти темы будет правильнее поднять в отдельных работах. Впрочем, хочется оговориться: автор отнюдь не стремится опорочить и оскорбить западноевропейцев. У них имелись свои свершения, достижения, какие-то идеалы. Но зачем же, возвышая себя, лгать на русских?

Химеры норманнизма

Недавно отмечалось 1150-летие Российского государства. В 862 г. несколько славянских и финских племен призвали из-за моря князя Рюрика с варягам и русью, и началась династия, сумевшая создать великую державу. Но в трудах зарубежных историков и отечественных «западников» XVIII–XIX вв. данные события обросли красноречивыми комментариями: на Русь пришли скандинавские викинги, принесли ей основы цивилизации и заложили фундамент самой государственности. А до варягов на нашей земле ничего заслуживающего внимания и быть не могло. Жили какие-то племена – при одном этом слове сразу напрашивается образ дикарей в звериных шкурах.

Данная теория, получившая название норманнизма, господствовала в дореволюционной России, перекочевала в советскую науку. За рубежом она до сих пор признается бесспорной. Да и в отечественной литературе сложился настолько прочный стереотип, что разрушить его оказывается чрезвычайно сложно.

Хотя государственность на территории нашей страны существовала с древнейших времен. Еще Геродот и другие греческие авторы описывали могущественное Скифское царство. Сейчас однозначно доказано, что в его состав входили праславяне. Причем они были в Скифии отнюдь не бесправным подневольным народом. Археология показывает, что селения земледельцев Поднепровья и Буга не огораживались, скифы не были для них врагами. Праславяне выступали их союзниками, на равных делили военную добычу – в тех же селениях найдено немало трофеев из походов в Закавказье, Ассирию, на Ближний Восток. Найдено и много греческих монет, изделий: земледельцы имели возможность продавать продукцию на экспорт.

Во II в. до н. э. Великая Скифия погибла, но на юге нынешней России возникли царства языгов, роксоланов, аланов, Крымская Скифия. А на рубеже нашей эры начались масштабные расселения славян, римляне называли их венедами. Они заняли Центральную Европу, Прикарпатье, южный берег Балтики – на римских картах это море обозначалось как Венедский залив. И на Балтике античные авторы отмечали довольно развитые государства: наследственную власть «царей», сильные флоты, казенные арсеналы, откуда население в случае войны получало оружие.

Предание рассказывает, что в I в. землю будущей Руси посетил св. апостол Андрей Первозванный. Основал христианские общины в Крыму, поднялся по Днепру, благословил место, где возникнет Киев, видел у новгородцев парные бани и удивлялся им, а потом через Балтийское море вернулся в Рим. Обычно эту легенду воспринимают скептически. Но, если разобраться, то… ничего невероятного в ней нет. Конечно, Великого Новгорода еще не существовало. Но в Крыму процветал город Неаполь-Скифский, Неаполь в переводе – Новгород. Парные бани в нем имелись, они найдены при раскопках. Водный путь через Днепр и Волхов уже действовал. Переплыть Балтийское море было реально, его бороздили венедские корабли. А города венедов были крупными центрами международной торговли, римские купцы ездили сюда покупать драгоценный янтарь.

Во II в. прибалтийские государства вандалов, ругов (они же русы, росы, рутены) и др. сокрушили германцы-готы. Часть русов отступила в Причерноморье, объединилась с местными славянами и сарматами-роксоланами. Множество данных, археологических и письменных, свидетельствует, что у них сложилось общее государство. Оно было рыхлым, недолговечным, и в III в. готы разгромили его. Завоеватели создали огромную империю. В числе других народов подданными готских королей стали финские племена чудь, весь, меря. То есть, в империю вошли и территории Центральной, Северо-Западной России. Некоторые

славянские племена стали союзниками готов, вместе с ними нападали на римлян. Другие были покорены.

Римские хроники упоминают русского князяэмигранта при дворе Константина Великого. А в IV в. на готов обрушились пришельцы с востока, гунны, и на их сторону, как отмечали современники, перешел князь росомонов (в переводе – «люди рос»). Большинство других славянских племен также поддержали недругов своих поработителей. Готы потерпели сокрушительное поражение, их империю сменила гуннская. Царь Баламбер обласкал славян, под его эгидой образовался племенной союз антов. У них сохранялось внутреннее самоуправление, историки той эпохи называли антского князя Буса и старейшин, казненных взбунтовавшимся готским королем Амалом Винитаром.

Кочевники-гунны во многом перенимали славянскую культуру. Византийские послы описывали столицу Аттилы, лежавшую где-то на Днепре, красивый город с типично-славянской деревянной архитектурой, резными дворцами, теремами. Приводили и «гуннские» слова – «мед», «квас», «страва» (поминки). В середине V в., после смерти Аттилы, его держава распалась в жестоких войнах. С этого времени славяне становятся непосредственными соседями Византии, на широком протяжении выходят к ее границам.

В византийских описаниях их жизни отразились явные доказательства государственной организации: иерархия знати, административное деление. Упоминаются «царьки» – племенные князья, над ними стояли «цари» или «короли» – предводители крупных объединений. Правление князей дополнялось институтом вече, общих сходов, где решались важнейшие вопросы. Особенно высокого уровня достигло княжество антов. У них отмечалось развитое сельское хозяйство, имелись довольно большие города.

Они защищались мощными валами, деревянными стенами и палисадами. В них располагались резиденции правителей, воинские дружины, жили и трудились ремесленники. Например, в Пастырском городище кузнецы варили железо, изготовляли косы, серпы, лопаты. Рядом располагались мастерские гончаров, ювелиров, оружейников. Воины имели прекрасное оружие, кольчуги, шлемы. Характерными для антов считаются длинные прямые мечи высочайшего качества. В археологии они дали название целому классу подобных изделий, «мечи антского типа». Даже в англосаксонской поэме «Беовульф» герои сражаются антскими мечами, самыми лучшими для того времени.

Дожидаться 300 лет, пока придут викинги и научат чему-нибудь полезному, славянам было, в общем-то, незачем. Потому что гости с запада не могли научить их ничему, зато рядом лежала Византия – средоточие передовой культуры той эпохи. Антия поддерживала с ней прочные связи, была ее союзницей. Антские отряды действовали в составе византийской армии, антский гарнизон стоял в греческом городе Тирас на Днестре.

В VI в. Антия пала под ударами Аварского каганата. Он подмял и терроризировал племена, оказавшиеся в пределах его досягаемости, и случились массовые переселения славян. Часть из них двинулась на Балканы. Далеко на север ушли словене, кривичи, полочане, на восток – вятичи и радимичи. А в VII в. могущество Аварского каганата было подорвано, он стал рушиться, и исчезло препятствие, сдерживавшее развитие славян. Они заняли господствующее положение в Центральной и Восточной Европе.

Цепочка их княжеств протянулась по южному берегу Балтики. У подножия Ютландского полуострова располагались владения ободритов. Рядом лежала страна вагров. Еще восточнее – ругиев. От Одера до Вислы жили поморяне. А между ними и литовцами – пруссы. На территории современной Германии от Лабы (Эльбы) до Хафеля и Шпрее обитали лютичи. Южнее их лежали земли лужичан. Нынешнюю Польшу делили между собой мазовшане, ляхи, висляне, словинцы.

В Центральной Европе жили чехи, мораване, паннонцы, на Балканах устроились сербы, хорваты, хорутане. А по Восточной Европе расселились народы, известные нам по

летописям. На Волхове – словене. От Псковского озера до Смоленска – кривичи. В Белоруссии – полочане, дреговичи. В Прикарпатье – белые хорваты. На Западной Украине – волыняне. По Днестру – тиверцы, по Южному Бугу – уличи. В Полесье – древляне. В Поднепровье – поляне, радимичи, на Десне и Оке – вятичи. А восточнее полян, от Днепра и до Дона, лежали края северян.

Только надо учитывать, что этими названиями обозначались не просто племена, а государства, и по своему уровню они ничуть не уступали другим европейским странам. У восточных славян арабы выделяли три самых сильных государства: Куяба, Арасания и Славия. Куяба – Киев, княжество полян, Славия – словен с центром в Ладоге (Новгорода еще не существовало). Арасания – предположительно, княжество северян. Персидская рукопись начала IX в. рассказывала об общественном устройстве полян: «Одна часть их – рыцарство. Жрецы пользуются у них уважением.

Люди ежегодно платят правительству девятую часть своих доходов и торговой прибыли. Город Куяба – местопребывание царя…». Как видим, были и правительство, и знать, собирались четко определенные налоги.

Ибн-Русте писал о вятичах: «Глава их, которого они называют главою глав, зовется у них «свиет-малик». И он выше супанеджа, а супанедж является его наместником». «Малик» по-арабски «царь». Очевидно, титул звучал как «светлый князь». А «супанедж» – жупан. Воевода, возглавлявший жупу, родовой клан. У ободритов государство представляло собой федерацию, в нее входили рароги, варанги и еще ряд племен, они имели собственных князей, а во главе союза стоял великий князь. Германцы уважительно именовали его «королем», а племенных князей «герцогами». Похожее устройство было у лютичей, северян.

В Центральной Европе возникли Чешское, Великоморавское, Паннонское княжества, на Балканах Хорутанское. Сюда отступила и часть кочевниковболгар, разбитых хазарами, объединила вокруг себя здешних славян, и появилось Болгарское царство, по культуре и составу населения – славянское. В различных источниках упоминаются князья у древлян, дреговичей, уличей. Князья поморян производили свой род от одного из сыновей Аттилы – династия просуществовала около 500 лет! У словен еще дольше, их князья вели происхождение от антского князя Буса.

Порой возникают недоразумения – а куда же подевались русы, давшие имя нашей стране и народу? В мешанине переселений они разделились на несколько частей. Некоторые остались на Балтике – племена рарогов, ругиев, пруссов. Другие осели в Австрии, там было небольшое королевство, и впоследствии австрийские герцоги вели свое происхождение от «русских королей». Еще одна ветвь присоединилась к словенам. А четвертая поселилась на Дону и Донце, влилась в племенной союз северян. Различные источники упоминают здесь русов с середины VI в. В союзе с хазарами они остановили арабскую экспансию на север, совершали набеги в Закавказье. Китайские дипломаты видели русских послов при дворе тюркского кагана. Баварский географ начала IX в. перечислял разные ветви русов – «аттросы», «вилиросы», «забросы», «хозиросы». Основными из них он считал две, балтийскую и южную. А персидский географ Ибн-Хордабег пояснял, что «русы – племя из славян».

Славянская цивилизация еще в язычестве достигла высочайшего для своей эпохи расцвета. Росли большие и богатые города Аркона, Зверин (Шверин), Волин, Рарог (Рерик), Стариград (Ольденбург), Микелин, Дымин, Коданьск (Гданьск), Ратибор (Ратценбург), Бранибор (Бранденбург), Ретра, Прага, Велеград, Краков, Гнездно, Ладога, Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк. Археологами обнаружены остатки укреплений, святилища, улицы уже в то время оборудовались деревянными мостовыми. В этих городах жили воины, искусные кузнецы, гончары, литейщики, косторезы, ювелиры, ткачи. При раскопках попадаются их изделия, дорогие привозные вещи. Германские авторы сообщали о «гражданских правах» славян, о городской аристократии.

Но славянские княжества не были едиными. Кто-то вступал в союзы, кто-то воевал между собой. В результате северяне, поляне, вятичи, радимичи попали под власть хазар. А на Балтике в конце VIII в. разгулялись викинги. Они нагрянули и в Ладогу, разбили князя Буривоя, обложили данью словен, кривичей, финские племена чудь, весь, мерян. Но говорить о какой-то их культурной и просветительской миссии было бы просто нелепо. Достаточно взглянуть хотя бы на перечень главарей скандинавских флотилий: Раскалыватель Черепов, Гадюка, Коварный, Кровавая Секира, Брюхотряс, Грабитель, Свинья, Живодер, Вшивая Борода, Поджигатель. Это были обычные разбойники, и интересовала их только нажива.

Славяне и финны недолго их терпели. Поднялось восстание под предводительством сына Буривоя Гостомысла, викингов изгнали. А племена, участвовавшие в освободительной войне, объединились в союз. По-видимому, как раз держава Гостомысла получила название Русского каганата, ее знали и в Византии, и в Германии. Укреплялись связи и с прибалтийскими славянскими княжествами, особенно с ободритами. Сопоставление новгородских летописей, германских хроник и легенд, показывает, что за Годолюба, князя племени рарогов, входивших в федерацию ободритов, Гостомысл выдал замуж дочь Умилу. Рарогам принадлежал крупнейший порт на Балтике, Рерик, дружба с ними была очень важна для торговли.

Об ободритах до нас дошло много сведений от германских историков. Король франков Пипин Короткий и император Карл Великий поддерживали прочный союз с этим княжеством, вместе воевали против саксов, лютичей. Франки называли ободритов «наши славяне». Но в 808 г. на них напал датский король Готфрид, привлек лютичей. Разгромленный великий князь ободритов Дражко бежал и был убит. Датчане взяли Рерик, пленили и повесили оборонявшего город Годолюба.

Все данные сходятся на том, что Рюрик, будущий властитель Руси, как раз и был сыном Годолюба и Умилы. Возможно, его и назвали в честь погибшего города и сокола-рарога, тотема племени. Как и где протекало детство княжича, неизвестно. В 826 г. братья Харальд и Рюрик появились при дворе императора Людовика Благочестивого. Их окрестили, обещали поддержку. Но империя франков уже разваливалась, в ней начались усобицы. А для сирот и изгоев на Балтике открывалась прямая дорога в викинги или варяги. Этими терминами обозначалась не национальность, а род занятий: свободные воины, пираты или наемники. Их ряды пополнялись удальцами разных национальностей, и варяги-русь были известны ничуть не меньше скандинавских коллег. Они брали неприступную Севилью, разоряли даже Швецию и Данию.

Рюрик выдвинулся в числе самых умелых и удачливых варяжских вождей. Эскадры под его началом крепко отметились во Франции, Испании, Англии, Германии. Опираясь на достигнутый авторитет и накопленные богатства, он в 853–854 гг. попытался отвоевать отцовское княжество. Сперва имел успех, но датчане все-таки одолели.

А в это же время важные события происходили в Ладоге. Гостомысл умер, не имея прямых наследников. Его держава распалась, племена передрались между собой. Не преминули воспользоваться соседи. Мерян покорили хазары. А с моря в 852 г. нагрянули датские викинги, увезли домой немалые богатства. В 854 г. шведский принц Эрик погромил и обложил данью словенских соседей: куров, эстов и финнов.

Опасность заставила забыть склоки. Старейшины словен, русичей, кривичей, чуди, заговорили о том, чтобы опять объединиться. Постановили: «Поищем собе князя, иже владел нами и рядил ны по праву». То есть, чтобыуправлялисудилпосправедливости. Ногде же искать такого князя? Никоновская летопись сообщает, что озвучивалось несколько предложений: «Или от нас, или от Казар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Варяг». В обсуждениях победил вариант «от варяг», кандидатура Рюрика. Она была оптимальной во всех

отношениях. Рюрик являлся внуком Гостомысла по дочерней линии, знаменитым воином, его имя гремело на Балтике. А ко всему прочему, он был изгоем.

Князем без княжества! Должен был целиком связать себя с новой родиной.

Вот так состоялось «призвание варягов». Рюрик прибыл в Ладогу с дружинами разношерстных варягов и «со всем родом своим» – ушедшими с ним эмигрантами-ободритами. И надо сказать, старейшины не ошиблись в выборе. Основатель династии провел победоносную войну с хазарами, отобрал у них земли мерян и моромлян, города Ростов и Муром. Начал «грады ставити», укрепляя границы. И наконец, Русь стала единственной страной, имевшей выход к морю, которая никогда больше не знала нашествий викингов, наводивших в данную эпоху ужас на всю Европу.

Причем стоит отметить: последующий спор между норманнистами и антинорманнистами оказался вообще… высосан из пальца. И за границей, и в России долгое время помнили, откуда были призваны «варяги-русь». Немцы в X в. титуловали великую княгиню Ольгу «королевой ругов». В XVI в. Иван Грозный упоминал, что династия Рюриковичей берет начало от легендарного Прусса – от которого вели свой род князья прибалтийских славян. А в XVIII в. небезызвестный сподвижник Петра I Александр Меншиков состряпал фальшивую родословную, где его род производился «от ободритов».

Как вы думаете, неужели Меншиков знал, кто такие ободриты? Да он был неграмотным. А княжество ободритов окончательно исчезло за 500 лет до него, завоеванное немцами. Вряд ли что-нибудь слышал об этом и подьячий, сочинявший для князя родословную. Он просто отрабатывал заказ, чтобы было «познатнее», списывал с родословных самых древних аристократических фамилий. Когда Меншикова судили, данный пункт ему припомнили, в обвинении указали, что «многие знатные роды производят себя от ободритов».

Но в XVIII в. древние традиции уже ломались. Боярское сословие упразднилось, родословные обесценивались и забывались. Летописи, сберегавшиеся в библиотеках монастырей, растаскивались учеными и любителями, терялись, погибали. А в Россию понаехали авторитетные немецкие профессора и на пустом месте породили теорию норманнизма. Ободритов, ругиев, поморян и прочих прибалтийских славян уже давно не было на свете, и вспомнить о них никто не удосужился – ученые профессора о них понятия не имели. Поэтому принялись отождествлять «варяговрусь» с кем угодно, только не с русичами. Хотя ни одного скандинавского и германского племени с названием «русь» в истории не значится.

Да и современные западные ученые недалеко ушли от предшественников. В качестве доказательства приводят, допустим, цитату из Повести Временных Лет: «Сице бо звахуть ты варагы-русь, яко же друзии зовутся свее, друзии же оурмани, англяне, инии и готе, тако и си». Отсюда делается вывод: наряду с «варягамирусью» названы шведы (свее), норвежцы (норманны), англичане, готы. Нет только датчан – значит, «русь» это они и есть. Что ж, остается лишь посочувствовать таким историкам, раз они не знают, что в IX в. никаких англичан в помине не существовало, а англы как раз и были одним из племен, населявших Данию. Очевидно, не знают они и о том, что значительная часть нынешней Германии была занята погибшими в XII–XIII вв. славянскими государствами. Зато не устают изливать комментарии о культуре и государственности, принесенной славянам с Запада. Словом, это чрезвычайно яркий и характерный пример, как истина может быть погребена под потоками «научной» макулатуры.

Основатель династии

1135 лет назад ушел из жизни основатель русской династии князь Рюрик. В те времена нынешнюю Восточную Германию населяли славяне – ободриты, лютичи, руяне, лужичане и др. А на землях нашей страны сложился Русский Каганат, союз нескольких славянских и финских народов: словен, кривичей, чуди, веси, мерян. Русские корабли бороздили Балтику, князь Гостомысл налаживал связи с заморскими странами. Свою дочь Умилу выдал замуж за Годолюба, князя племени рарогов. Оно входило в племенной союз ободритов, занимало перешеек Ютландского полуострова и земли возле его основания. Сейчас на этой территории находятся города Шлезвиг, Любек. Киль – а в те времена рарогам принадлежал Рерик, крупнейший порт на Балтике.

Ободриты были союзниками императора франков Карла Великого, во всех войнах выступали на его стороне. Но против Карла готовил удар король Дании Готфрид, заключил союзы с врагами франков – саксами, лютичами, глинянами, смольнянами. В 808 г. он разгромил ободритов. Рерик взял штурмом и сжег, пленного Годолюба повесил. Как сложилась судьба Умилы, мы не знаем. Может быть, она скрылась, нашла пристанище у соседей. А может, муж успел посадить ее на корабль и отправить к тестю. Известно одно – у нее был младенец-сын. Не исключено, что он родился уже после смерти отца. В древности имена старались давать со смыслом, а мальчика нарекли в честь погибшего города Рерика, в честь сокола-рарога – священного символа племени рарогов. Его звали Рюрик.

В 826 г. в Ингельгейм, резиденцию франкского императора Людовика Благочестивого, прибыли откудато два брата – Харальд и Рюрик. Относительно Харальда никаких сведений нет. Был ли он родным братом Рюрика? Или сыном Годолюба от другой жены? Или Умила вторично вышла замуж? Но само их появление при дворе императора понятно. Ведь князья ободритов считались вассалами Карла Великого, и Годолюб погиб, сражаясь на его стороне. Когда дети выросли, они приехали к сыну Карла за покровительством. Росли они где-то в славянских странах, оба были язычниками. Людовик окрестил молодых людей, лично стал их крестным. При этом Рюрик получил имя Георгий. Права братьев на отцовское наследство император признал, принял их в число своих вассалов.

Но… дело в том, что земли рарогов оставались под властью Дании. А для возвращения наследства Людовик не мог сделать ничего. Даже внутри собственной империи он значил слишком мало. Еще в 817 г. он отстранился от дел, поделив владения между детьми, Лотарем, Пипином и Людовиком. На старости лет еще и влюбился, произвел четвертого сына и попытался переделить земли. Это привело к жесточайшим войнам, завершившимся в 841 г. – империя развалилась на три королевства. Вероятно, Рюрик и Харальд участвовали в междоусобицах. Но никто не поддержал их стремление отбить отцовское княжество. А если император выделил им владения в своей державе, братья их тут же потеряли: сыновья Людовика Благочестивого перекроили земли, отдавали их своим сторонникам.

Для сирот и изгоев на Балтике открывалась прямая дорога – в варяги. Впрочем, называли их по-разному. В Византии «вэрингами» или «ворингами» – «принесшими клятву». В Скандинавии «викингами» (вик – военное поселение, база). В Англии всех викингов, независимо от национальности, обозначали «датчанами» (эту страну чаще грабили датчане). Во Франции – «норманнами», норвежцами (в буквальном переводе, «людьми севера»). Терминами «викинги» или «варяги» определялась не национальность, а род занятий. Это были свободные воины. В зависимости от обстоятельств, они разбойничали, служили наемниками. У разных предводителей были собственные отряды. Иногда они объединялись для совместных походов. Иногда резались друг с другом.

В IX в. Балтика превратилась в пиратское гнездо. Отсюда эскадры выплескивались в разные стороны. В 843 г. большой флот норманнов появился у берегов Франции. Они разграбили Нант, разорили земли по реке Гаронне, дойдя до Бордо. Перезимовав, отплыли на юг. Взяли Ла-Корунью, Лиссабон, достигли Африки и напали на город Нокур. А на обратном пути один из отрядов высадился в Испании, взял штурмом неприступную Севилью. Большинство кораблей, участвовавших в этом походе, были норвежскими. Но арабские хронисты Ахмед-ал-Кааф и Ал-Якуби отметили, что варяги, бравшие Севилью, были другой национальности, «ал-рус». Командовали ими братья Харальд и Рюрик.

Имя Харальда впоследствии исчезает из документов. Видимо, он погиб. А Рюрик, судя по всему, крепко обиделся на франков, не выполнивших обещания помочь, презревших память о его казненном отце. В 845 г. ладьи Рюрика прошлись и погромили города по Эльбе. Затем, вместе с норвежцами он захватывал Тур, Лимузен, Орлеан, участвовал в первой осаде норманнами Парижа. Рюрик стал одним из самых известных пиратских вождей, и в 850 г. его избрали предводителем в совместном походе нескольких эскадр. Под его началом 350 кораблей (около 20 тыс. воинов) обрушились на Англию.

Но следующим объектом нападений Рюрика стала Германия. Он принялся систематически опустошать побережье Северного моря, по Рейну совершал рейды в глубь немецких земель. Навел такой ужас, что император Лотарь запаниковал. Чтобы избежать дальнейшего разорения, он вступил с Рюриком в переговоры. Выяснилось, что княжич-варяг совсем не против примириться, но выдвинул ряд условий. Лотарю пришлось принять их. Этот император, как и Людовик Благочестивый, признал право Рюрика на отцовское княжество, согласился считать его своим вассалом. Именно этого Рюрик и добивался. Он набрал силу и авторитет на Балтике, накопил богатую добычу – теперь он мог навербовать немало головорезов. А император был обязан поддержать его в войне за утраченное наследство.

Операция началась успешно. Дружины Рюрика высадились на его родине. Свергли князей, ставленников датчан. Он овладел землями княжества и частью Ютландского полуострова – заслужив на западе прозвище Рюрика Ютландского. Но датчане опомнились, призвали союзных лютичей. А император… предал. Испугался войны с Данией, и в 854 г., когда князь ввязался в бои, отрекся от него. Мало ли, пиратский вожак полез в драку сам по себе? Рюрик остался перед лицом неприятелей только с собственными силами, терпел поражения. От него начали уходить наемники. Да и ободриты заколебались. Боялись, что датчане и лютичи отомстят. Предприятие закончилось провалом…

Но в это же время произошли важные события по другую сторону Балтики. Скончался Гостомысл. Его сыновья погибли раньше отца. Новгородский архиепископ Иоаким записал предание – незадолго до смерти Гостомысл увидел сон, будто «из чрева средние дочери его Умилы» выросло чудесное дерево, от плода которого насыщаются люди всей земли. Волхвы истолковали, что «от сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его». Но исполнилось пророчество не сразу. После смерти князя племена его державы перессорились, «словене и кривичи и меря и чудь всташа сами на ся воевать». Ни к чему хорошему это не привело. По Волге нанесли удар хазары, покорили мерян. А на столицу словен Ладогу (Новгорода еще не существовало) повадились нападать викинги.

Опасность заставила забыть склоки. Старейшины словен, русичей, кривичей, чуди, веси вступили в переговоры, чтобы опять объединиться. Постановили: «Поищем собе князя, иже владел нами и рядил ны по праву». То есть, чтобы управлял и судил по справедливости. Никоновская летопись сообщает, что было несколько предложений: «Или от нас, или от Казар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Варяг». Это вызвало бурные обсуждения. «От нас» – отпало сразу. Друг другу племена не доверяли и подчиняться не хотели. На втором месте стоит «от Казар». В столь крупном центре торговли, как Ладога, существовали подворья еврейских купцов, и, конечно же, они позаботились сформировать свою партию.

Не проще ли отдаться хазарам, платить дань, а они будут «владеть и рядить»? А можно не напрямую от хазар, можно взять князя от полян, хазарских данников.

Вот в этой предвыборной борьбе и всплыла легенда про вещий сон Гостомысла, как бы его «политическое завещание». Хотя нельзя исключать, что сновидение с чудесным деревом попросту придумали в пылу споров, стараясь подкрепить кандидатуру Рюрика. Что ни говори, его фигура выглядела оптимальной. Он был внуком Гостомысла по дочерней линии, знаменитым воином, его имя гремело на Балтике. Ко всему прочему, он был изгоем. Князем без княжества! Должен был целиком связать себя с новой родиной. Все «плюсы» сошлись, а поползновения хазар и купленных ими бояр удалось преодолеть.

О Рюрике в Ладоге знали. Направляя посольство за море, представляли, где его искать. Звали к себе: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет – идите княжить и владеть нами» (иногда данную фразу переводят ошибочно, «порядка в ней нет», но слово «наряд» означает власть, управление). Что ж, для Рюрика приглашение оказалось более чем кстати. Он всю жизнь мечтал отвоевать отцовское княжество, но остался у разбитого корыта. Ему уже перевалило за сорок пять. Бесприютная жизнь по чужим углам и варяжским кораблям становилась не по возрасту. Он согласился.

В 862 гг. Рюрик прибыл в Ладогу (летописи составлялись значительно позже, в них часто встречаются анахронизмы, вместо Ладоги называют привычный летописцам Новгород). Предание гласит, что с Рюриком явились два брата, Синеус и Трувор. В западных хрониках они не упоминаются, но вполне может быть, что братья у него имелись – у варягов существовал обычай побратимства, оно считалось не менее прочным, чем кровное родство. Хотя есть и другое объяснение – что летописец всего лишь неправильно перевел текст норвежского первоисточника: «Рюрик, его родственники (sine hus) и дружинники (thru voring)». То есть, речь идет о двух его отрядах. Один состоял из соплеменников, после поражения сохранивших верность ему и ушедших на чужбину. Второй из наемников-викингов.

Приняв княжение, Рюрик сразу позаботился понадежнее прикрыть свои границы. Один из отрядов направил к кривичам в Изборск. Этот форпост держал под наблюдением водные дороги через Чудское озеро и реку Великую, прикрывал княжество от набегов эстонцев и латышей. Другой отряд расположился в Белоозере. Он контролировал путь на Волгу, взял под защиту племя весь от Хазарского каганата. А после того, как новый властитель осмотрелся на новом месте, он повел себя очень активно. Правильно оценил, кто является главным врагом его державы, и начал войну против Хазарии.

Его воины из Белоозера двинулись на Верхнюю Волгу и взяли Ростов. Большое племя меря, населявшее междуречье Волги и Оки, сбросило иго хазар и перешло под руку Рюрика. На этом князь не остановился. По рекам его флотилии продвинулись дальше и в 864 г. овладели Муромом. Еще одно финское племя, мурома, подчинилось Рюрику. Присоединение двух важных городов отметили не только русские летописи, о войне Хазарии с Ладогой упоминает «Кембриджский аноним».

Хазарам пришлось крепко понервничать. Уж ктокто, а их купцы торговали по всему свету, они знали, какие сокрушительные удары могут наносить варяжские десанты. Но ведь войны ведутся не только мечами и копьями. В Ладоге уже существовала прохазарская партия, через нее иудейские купцы пытались повлиять на выборы князя. Теперь ее снова использовали, разжигая среди словен недовольство Рюриком. Найти поводы было не так уж трудно. Ладожские бояре рассчитывали, что приглашенный князь будет править по их указке – куда он денется в чужой стране? Но Рюрик не стал марионеткой, он взялся укреплять централизованную власть. Содержание наемников требовало средств, подданным приходилось раскошеливаться. А ближайшее окружение князя составили ободриты и норвежцы. Словом, пришли чужеземцы и сели на шею…

Хазарская агитация достигла цели. В 864 г., когда армия Рюрика находилась на Волге и Оке, в тылу у него вспыхнуло восстание под руководством некоего Вадима Храброго. Летопись сообщает: «Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: тако быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Да, еще в те времена были выработаны знакомые нам схемы: в разгар войны возбудить людей бороться за «свободы» и «права человека». Но стоит обратить внимание, кривичи и финские племена словен не поддержали. А князь действовал оперативно и жестко. Мгновенно примчался в ладожский край и подавил бунт. «Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его» (светников – то есть, соучастников). Уцелевшие заговорщики бежали. Кривичи в Смоленске отказались их принять, они проследовали дальше: «Того же лета избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много новогородцкых мужей». Мужами называли никак не простонародье, а знать – восстание учинила богатая верхушка.

В Киев они бежали не случайно. Там возник центр противостояния с Рюриком. Двое предводителей наемных варяжских дружин, Аскольд и Дир, отделились от князя, решили поискать другие промыслы. Направлялись в Грецию, но по дороге увидели Киев, подконтрольный хазарам, внезапным налетом овладели им. Попытались использовать его как базу для пиратских набегов – так поступали все викинги. Совершили походы на племя полочан, на Византию, Болгарию. Но болгары их побили, экспедицию на Константинополь разметала буря, Полоцк после перенесенных ужасов обратился за защитой к Рюрику. Греки напустили на Киев своих союзников, печенегов. Да и хазары не склонны были прощать утрату Киева. Аскольд с Диром задергались, принялись выкручиваться. В 866 г. они согласились признать себя вассалами византийского императора, даже принять крещение. Греческие дипломаты заступились за них перед хазарами, и они тоже согласились мириться. Но с условием – выступить против Рюрика.

Варяги выполнили заказ. Ударили на подданных князя, кривичей, захватили Смоленск. Правда, развить успех не сумели, их остановили. Но цель Византии и Хазарии была достигнута, они стравили Ладогу и Киев. Поэтому Рюрик не стал продолжать боевые действия против каганата. Отправь он войска на Волгу, ему угрожал бы удар по тылам, с Днепра. Одолеть Аскольда и Дира тоже было непросто, за ними стояли две великих державы. А соучастники Вадима Храброго окопались в Киеве, выжидали удобного момента снова посеять смуту. Поразмыслив, Рюрик согласился заключить мир со своими противниками.

Он занялся внутренним устроением государства. Налаживал структуры управления, назначил наместников в Белоозеро, Изборск, Ростов, Полоцк, Муром. Начал повсюду «грады ставити». Они служили опорными пунктами администрации, защищали подвластные племена. Особое внимание князь уделял обороне со стороны Балтики. Во второй половине IX в. разгул викингов достиг наивысшей точки. Они терроризировали Англию, то и дело жгли германские города по Эльбе, Рейну, Мозелю, Везеру. Даже Дания, сама по себе пиратское гнездо, была совершенно разорена варягами. И только на Русь после прихода Рюрика не было ни одного вторжения! Она единственная из европейских государств, имевших выходы к морю, обрела безопасность от балтийских хищников. В этом была несомненная заслуга князя.

Правда, варяги стали появляться на Волге, но приезжали они для торговли пленными. Так что и Хазария в накладе не осталась. С Балтики хлынул поток «живого товара», который хазары скупали оптом и перепродавали на рынки Востока. Но и для Руси транзит получался выгодным. Казна обогащалась пошлинами. Князь мог строить крепости, содержать войско и защищать подданных, не обременяя их высокими налогами. А сами подданные могли за хорошую цену сбывать проезжающим варягам и купцам хлеб, мед, пиво, рыбу, мясо, ремесленные изделия, покупать европейские и восточные товары.

Рюрик, как и Гостомысл, принял титул кагана (в буквальном переводе «великий» – позже на Руси два титула слились, «великий князь»). Женат он был несколько раз. Первую его супругу звали Руцина, она была из прибалтийских русов. Второй была германка или скандинавка Хетта. Об их судьбе и потомстве никакой информации не дошло. А в 873–874 гг. ладожский государь побывал за рубежом. Он совершил весьма масштабное для того времени дипломатическое турне по Европе. Встречался и вел переговоры с императором Людовиком Немецким, королем Франции Карлом Лысым и королем Лотарингии Карлом Смелым. О чем шла речь, история умалчивает. Но Людовик Немецкий враждовал с Византией. А Рюрик исподволь готовился к борьбе за Южную Русь, ему нужны были союзники против греков, поймавших в свои сети Киев.

На обратном пути князь посетил Норвегию. Здесь он присмотрел себе третью жену, норвежскую принцессу Ефанду. По возвращении в Ладогу сыграли свадьбу. Молодая супруга родила Рюрику сына Игоря. А правой рукой и советником князя стал брат Ефанды Одда, известный на Руси как Олег. Хотя может быть и так, что он еще раньше был приближенным государя и сосватал ему сестру. В 879 г. бурная жизнь Рюрика подошла к концу. Он начинал ее несчастным сиротой и изгоем – завершал повелителем многих городов и земель от Финского залива до Муромских лесов. Командовал горсткой бойцов на борту пиратского корабля – а умирал во дворце, окруженный домочадцами, сотнями придворных и слуг. Наследником остался сын Игорь, но он был еще ребенком, и место регента занял его дядя Олег.

О качествах Рюрика как правителя свидетельствуют последующие события. После его смерти держава не распалась, как нередко случалось с древними царствами. Подданные не бунтовали, не выходили из повиновения. Через три года Олег повел на Киев не только свою дружину, а многочисленное ополчение словен, кривичей, чуди, веси, мерян. Значит, Рюрик и его преемник сумели заслужить популярность в народе, их власть признавали законной и справедливой.

Кстати, в это время уже существовала Москва. Она еще не упоминалась ни в одной летописи, и мы даже не знаем, как она называлась. Но она была. Ее выявили раскопки на территории Кремля. Под слоем, который относился к постройкам Юрия Долгорукого, ученые обнаружили остатки более древнего города. Он был довольно развитым и благоустроенным, с крепостными стенами, деревянными мостовыми, а одна из площадей была вымощена совершенно необычным образом, бычьими черепами. На улице «пра-Москвы» археологи нашли две монеты: хорезмийскую 862 г., и армянскую 866 г. Это эпоха Рюрика.

Блеск «Гардарики» во мраке средневековья

В эпоху раннего Средневековья Западная Европа представляла собой весьма неприглядную картину. Франки, бургунды, лангобарды, баварцы, англы, поделившие между собой территорию Римской империи, утратили собственную культуру, тянулись к римской. Но и ее растеряли. Награбленные богатства истратились, одежды истлели, здания разрушались временем и самими же жителями – кирпичи и камни вытаскивались на новые постройки, мраморные плиты и статуи пережигались на известь, бронзовые украшения переплавлялись.

А западные королевства обвалились в хаос. Короли раздавали за службу владения вассалам, но обязательства быстро забывались. Герцоги, графы, бароны не считались с монархами, дрались между собой. Население в непрерывных войнах уменьшилось. Некогда возделанные равнины Франции, Англии, Италии, заросли дремучими лесами. В этих дебрях гнездились замки феодалов: кособокие, неуклюжие.

Крепостное право было жесточайшим. Феодал выступал полным властителем над крестьянами, судил и казнил по своему усмотрению. Действовало и «право первой ночи». Хозяин сам определял размеры податей, отработку на барщине. Трудились в буквальном смысле слова из-под палки: за крепостными наблюдал надсмотрщик из их же среды, облеченный доверием и дубинкой.

Крестьяне жили в жалких хижинах, без окон и печей (за окна и трубы назначали дополнительные подати).

Обычной едой была похлебка, куда бросали все подряд – овощи, зерно, съедобную траву, коренья. Одеждой простолюдинок служила единственная рубаха из домотканого холста на голое тело, у мужчин – такие же сорочка и штаны. Ходили босиком, зимой пользовались деревянной обувью, утеплялись накидками из овчины, от дождя укрывались плащами из рогожи. Коров и свиней держали редко. Луга, леса, водоемы принадлежали феодалу. За сенокосы, ловлю рыбы, сбор хвороста, желудей, водопой, надо было платить особо. Довольствовались козами, овцами, птицей. Животных держали вместе с людьми – так теплее. Но сами крестьяне мясо, молоко, яйца, шерсть почти не употребляли, они шли на уплату оброка.

Простолюдины были вне морали, вне культуры. Подобное отношение к ним запечатлелось в поэзии вагантов. «Подаждь нам… от трудов их питаться, с женами и дочерьми их баловаться и о смертности их вечно веселиться». Или склонение слова «мужик»: «Этот мужик, этого мужлана, этому мерзавцу, эту сволочь».

«Что есть мужик? Существительное. Какого рода? Ослиного, ибо во всех трудах и делах своих он ослу подобен. Какого вида? Несовершенного, ибо прежде, чем петух дважды крикнет, мужик трижды обгадится».

Но и жизнь феодалов трудно было назвать радужной. В замке было сыро, холодно, сумрачно. Стены покрывала копоть факелов, смрадно дымили сальные светильники. Обычно вся семья хозяина вместе со слугами теснилась на кухнях. Вперемежку с людьми сновали собаки, куры. Если приезжали гости, протапливали камин в большом зале, и пиры выливались в банальный перепой и обжорство. Упившиеся засыпали тут же, за столом или под ним. Немного прочухавшись, продолжали веселье. Красивая одежда, обувь, тонкие сорочки стоили дорого, их передавали по наследству, пока не развалятся от ветхости. Денег всегда не хватало. Ведь требовалось приобретать и чинить оружие (крайне дорогое), ремонтировать замки, содержать коней. Чтобы не дробить владения и совсем не обнищать, их целиком передавали в наследство старшему сыну. А младшим давали оружие, лошадей и отправляли «искать счастья». Они погибали в войнах или разбойничали на большой дороге.

Города были маленькими, тесными, грязными. Но все-таки у купцов, ремесленников, ростовщиков, деньги были. Их ссужали феодалам, королям, а за это города получали приви-

легии, права самоуправления. Вся европейская знать, включая королей, не умела ни читать, ни писать. Грамотным было только католическое духовенство. Епископы и священники занимали важное место при дворах, становились министрами, секретарями, казначеями. Это было крайне выгодно, и чтобы сохранить монополию на грамотность, западная церковь в VII в. приняла на соборе постановление: богослужения и церковная литература допускается лишь на трех языках, латинском, греческом и древнееврейском. Попробуй-ка, выучи!

Церковь была и средством распространения политического влияния Рима и германских императоров. Германские и славянские племена, попадавшие в зависимость от них, подлежали поголовному крещению. Именно отсюда пошел католический обычай крестить обливанием, погружением получалось слишком долго. Солдаты сгоняли людей в одно место, священники кропили их водой, бормотали по-латыни и давали скопом, целым толпам, христианские имена. Отныне они считались христианами, должны были платить десятину церкви, и это считалось достаточным.

Но христианство оставалось формальным. Ни знать, ни простонародье не понимали латинских молитв. Жили как придется. У королей и аристократов были «свои» епископы, духовники, неужели не отпустят любой грех? Короли опирались на епископов и в усобицах с мятежными феодалами. У церковных иерархов собирались внушительные земельные области, они превращались в светских князей, имели свои войска. Монастыри содержали промыслы, кабаки. А церковные должности оценивались с точки зрения доходов, их получали в награду, по знакомству, покупали. На западе известны 11-12-летние епископы, 8-9-летние настоятели монастырей.

Опустился и Рим, на папском престоле появлялись самые скандальные фигуры. В X в. Ватиканом несколько десятилетий заправляли выдвиженцы распутных аристократок. Оздоровить церковь попытался в XI в. энергичный папа Григорий VII. Он издал трактат «Диктат папы», провозглашая всемирную монархию. Свою. Утверждалось, что римский первосвященник – «царь царей». Ему должны подчиняться императоры, короли. А выше его только Бог. Церкви предстояло стать орудием папской власти над миром. Начались чистки, в монастырях вводились строгие уставы, епископов Григорий переподчинил не королям, а себе. Чтобы должности не передавались по наследству, установил для духовенства безбрачие, «целибат».

Но это очень не понравилось германским императорам. Свою-то империю они называли Римской и полагали, что Италия, и папы в том числе, должны служить им. Европу раздирали войны между сторонниками первенства пап, «гвельфами», и императоров – «гибеллинами». Причем сторону императоров приняли епископы, противившиеся папским нововведениям, а сторону пап – светские герцоги и князья, не желавшие слушаться императоров.

Что Европа и в самом деле унаследовала от Древнего Рима, так это пресловутый «культ права». То бишь, юридического крючкотворства. Судиться на Западе очень любили. В XI в. в Германии при нашествии жаб и червей некоторые епископы даже затеяли судебные процессы против нечисти, наславшей на них напасть. Выносились вердикты, что нечисть не имела такого права. Исполнили ли его жабы и черви, история умалчивает.

Европейское право было крайне запутанным. Перемешались законы разных эпох, королевств, герцогств, городов. А над всем этим довлело «кулачное право». У кого сила, тот и прав. Но для захвата чужой собственности короли и феодалы обязательно старались найти «законное» обоснование, и юристы стали вторым образованным сословием. Чтобы готовить их и священнослужителей, возникли первые университеты. Очагом куда более высокой культуры являлась Испания, захваченная арабами. Они принесли с Востока солидные знания в области географии, математики, астрономии, техники, медицины. У них имелись прекрасные архитекторы. Западные властители старались заполучить на службу таких спе-

циалистов, энтузиасты приезжали в Испанию для совершенствования образования. Но вместе со знаниями отсюда привозили и ереси. Среди забитого и угнетенного населения они широко распространялись, Европу сотрясали разрушительные движения катаров, вальденсов, альбигойцев. Множились сатанистские секты – к ним принадлежали папа Иоанн XII, германский император Генрих IV. На фоне западного упадка резко выделялась Византия. Она сохранила высокую античную культуры, донесла ее остатки до будущих поколений. Она создала и собственную неповторимую культуру, христианскую. Но Византия уже загнивала. Константинополь, величайший и красивейший город мира, стал средоточием интриг, злоупотреблений, за власть грызлись алчные царедворцы. Официальное благочестие ничуть не мешало лжи, коварству, корыстолюбию, разврату.

Но на севере поднялась могущественная и обширная держава – Русь. От Византии она переняла все лучшее, однако осталась чуждой ее пороков. Причем русские властители сумели органично соединить достижения греческой цивилизации с исконной славянской основой. Кстати, скандинавы называли нашу страну «Гардарика» – страна городов. И их можно понять. Во всех скандинавских государствах, вместе взятых, насчитывалось лишь 7 городов. А в Киевской Руси только по письменным источникам упоминается более 200.

Иноземцы описывали чуть ли не сказочную их красоту и богатство. Возводились неприступные стены городов, великолепные дворцы, храмы – Десятинная церковь, св. София Киевская и Св. София Новгородская, монастыри – Св. Георгия, Св. Ирины, Киево-Печерский и др., храмы в Чернигове, Пскове, а потом и во Владимире. Их было еще мало, но… на Западе сооружения подобных размеров вообще не строились. Большие каменные соборы в Европе начнут возводить на 200–300 лет позже, и стройки затягивались на много десятилетий, а то и на века – не хватало средств. А Киев восхищал иностранцев, его называли «вторым Константинополем», германский историк Титмар писал, что в нем было более 400 церквей, 8 торговых площадей и «необычное скопление народа». Эти свидетельства относятся к началу XI в., а при Ярославе Мудром и его сыновьях город разросся еще в несколько раз!

Кстати, в отличие от Запада, насильственного крещения на Руси не было. Новая вера легко утвердилась в Киеве, и св. Владимир велел сразу крестить Новгород. Но там произошли волнения, столкновения, и великий князь принял решение, определившее русскую церковную политику на много веков вперед: действовать только убеждением и силой Слова Божьего. Крещение следующего большого города, Чернигова, произошло лишь через 3 года после Новгорода. Соседний с Черниговом Смоленск крестился через 21 год. А в целом обращение Руси в христианство заняло около 150 лет. Зато оно было прочным, основательным. Тем более что богослужения велись на понятном славянском языке.

Крещение Руси стало неотделимым и от ее просвещения. Надосказать, письменность-уславянсуществовала издревле, археологами найдено много образцов так называемых славянских рун. В IV в. св. Иероним, славянин по национальности, разработал алфавит в Далмации, переводил Библию. В 790 г. византийская императрица св. Ирина при заключении мира с болгарами велела составить и подарить славянам азбуку. А в 861 г. св. Кирилл, направляясь с греческой миссией в Хазарию, увидел в Херсонесе Евангелие и Псалтирь, написанные «русьскими письмены». Познакомился с хозяином книг, христианином-русичем, освоил его грамоту.

По возвращению в Константинополь св. Кирилл высказал патриарху Фотию идею перевести Священное Писание на славянский язык и получил благословение. Мы не знаем, каким алфавитом были написаны виденные им книги, но свв. Кирилл и Мефодий упорядочили его, приблизили к греческой орфографии, взялись переводить духовную литературу. Первые славянские богослужения велись в Моравии. Немецкое духовенство сделало все,

чтобы пресечь их, но учеников св. братьев-просветителей с распростертыми объятиями приняли в Болгарии, где и родилась славянская церковь.

На Руси удобную в обиходе кириллицу начали использовать даже раньше принятия христианства. А св. Владимир открыл в Киеве школы, Ярослав Мудрый учредил их и в Новгороде. Русь стала страной массовой грамотности! В Новгороде торфяная почва хорошо сохранила древесину, и до нас дошло большое количество берестяных грамот. Образцы их найде-\ны и в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске, Мстиславе. Они показывают, что умели писать мужчины, женщины, дети, слуги, даже сапожники подписывали свои колодки.

А уж властители в отношении образования могли служить примером для подданных. Св. Владимир был ценителем «книжной премудрости», Ярослав Мудрый учредил при храме св. Софии Киевской первую в нашей стране библиотеку, его сын Всеволод также был человеком высочайшей культуры, свободно владел пятью языками. Создавались настоящие шедевры, духовные и литературные – «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, Киево-Печерский патерик, летописные своды, «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли», «Поучение Владимира Мономаха», «Повесть об убиении князя Андрея Боголюбского», «Слово о полку Игореве», всевозможные «похвальные слова», церковные службы.

А в устной передаче сохранились замечательные циклы богатырских былин, восходящих к Киевской Руси. Между прочим, и в культурных традициях можно заметить существенное отличие от других стран. Западный эпос превозносил доблесть ради доблести, восхвалял рыцарей, месившихся между собой. Скандинавские саги славили резню и добычу викингов. Ведь и авторам платили те же рыцари или викинги. Русские наемники тоже бывали за морями, на службе греческих императоров, совершали там подвиги, привозили домой немалую добычу. Но былины им не посвящали. Сказители воспевали лишь тех воинов, кто защищал Отечество и народ! В нашей стране еще с киевских времен складывалась совершенно иная система ценностей, не эгоистическая, а патриотическая.

Крепостного права на Руси не было. Деревни и города принадлежали князьям, боярам, давались «в кормление» дружинникам, но крестьяне оставались свободными. Если не нравится, могли уйти в другое место. Существовали и холопы-рабы, из пленных, проданных должников или преступников. Но их доля была невелика, они использовались в основном в дворовом хозяйстве. Народ был куда более благоустроен и защищен, чем за рубежом. Русские любили хорошо покушать, повеселиться.

Одевались весьма прилично. Простолюдины могли позволить себе одежду из шерстяных тканей – на Западе их носила только знать. Представления о «лапотной Руси» возникли значительно позже, в XVIIIXIX вв. Археология показывает, что в киевские времена во всех слоях общества обувь была кожаной. Девушки и дамы старались выглядеть привлекательно. Русские ювелиры изготовляли для них изумительные серьги, колты, браслеты, ожерелья. Женщины следили за византийской модой, копировали новинки. Впрочем, греческие фасоны служили только для парадных нарядов, да и то их шили более просторными, более удобными, чем у самих греков. А в быту предпочитали русские костюмы – сарафаны, летники, кокошники, шубки, шапочки с меховой опушкой, нарядные сапожки. Расшивали одежду красивыми узорами, жемчужным бисером.

О бедняках заботились церковь и государь. Летописи рассказывают об огромных раздачах милостыни св. Владимиром Крестителем. Для стариков и немощных, неспособных прийти за ней во дворец, еду развозили по домам. А в церковный устав св. Владимир ввел апостольское правило, что достояние церкви – это «нищих богатство, церквам, монастырям, пустыням подъятие, живым прибежище, а мертвым памяти».

Русь достигла высочайшего могущества. Ни один враг даже не мечтал сокрушить ее. Отваживались разве что на грабительские набеги или урвать кусочек на окраине (за что

получали суровые взбучки). А во внешней политике авторитет Руси был колоссальным. Она по праву считалась одним из важнейших центров мировой политики. К киевскому двору прибегали свергнутые скандинавские, венгерские, польские, английские короли и принцы, просили помощи. Приезжали посольства, заключались союзы. А породниться с великими князьями европейские монархи считали высочайшей честью. Дочь св. Владимира стала польской королевой. Ярослав Мудрый был женат на шведской принцессе, сыновей женил на польской, немецкой принцессах и византийской царевне, а дочерей выдал замуж за королей Венгрии, Норвегии, Дании.

Дочь Анну государь прочил за германского императора Генриха III, однако он выбрал другую невесту (о чем впоследствии жалел). А в 1049 г. руки Анны попросил французский Генрих I. Во Франции княжна поразила всех красотой и грациозностью, а ее приданое и наряды показались там немыслимой роскошью. Восхищались и привезенными ею книгами. Великолепное Евангелие поместили в Реймсском соборе, на нем стали давать присягу короли. Семь веков спустя, в 1715 г. книгу показали Петру I. Благоговейно пояснили, что это самое древнее Священное Писание, написанное исчезнувшим языком, которого уже никто не знает. Петр пригляделся, засмеялся и начал читать по-славянски. Это было Евангелие Анны Ярославны. Но саму ее Франция разочаровала. Она писала отцу: «В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны». Действительно, сравнить с Русью было трудновато. Сохранились документы, где красуется аккуратная подпись Анны на латыни, а рядом крест, поставленный неграмотным мужем. Королева любила выезжать на охоты, метко стреляла из лука – все это было в диковинку французам. Их женщины сидели по домам, за пяльцами или пустой болтовней. Анна впервые начала устраивать во Франции светские приемы. А в 1060 г. Генрих I умер, она стала регентшей при сыне, Филиппе I. Даже когда сын повзрослел, он глубоко почитал мать, они правили Францией и подписывали государственные акты вдвоем.

Подобные браки заключались и позже, и не только на темном Западе, но и в Византии русские славились высокой образованностью. Внучка Владимира Мономаха Добродея-Евпраксия была посватана за наследника греческого императора и удивила Константинополь своей ученостью. «Цивилизованные» греки даже пытались обвинять ее в «колдовстве и знахарстве» – она была талантливым врачом, умела лечить травами, писала медицинские труды. Сохранился ее трактат «Алимма» («Мази»). Ни к какому колдовству он и близко не лежал, но для своего времени княжна обладала глубочайшими знаниями. Книга содержит разделы по общей гигиене человека, гигиене брака, беременности, ухода за детьми, по правилам питания, диеты, наружным и внутренним болезням, лечению мазями, приемы массажа. Наверняка Добродея-Евпраксия была не единственной такой специалисткой. На родине у нее имелись наставницы, у наставниц другие ученики.

Отметим еще одну особенность: русские никогда не задирали нос перед европейцами, не старались навязать им свои стереотипы мышления и поведения. В отличие от самих европейцев. В XII–XIII вв. в Крестовых походах они почувствовали свою силу, везли с востока колоссальные награбленные сокровища. А Русь рухнула под копытами татарских орд. Тогда-то наглеющие папы и короли объявили русских «еретиками» – а заодно и «дикарями». Ну а как же иначе, они были настолько не похожи на представителей западного мира!

Святослав – победитель хазар

Более тысячи лет назад начался знаменитый поход князя Святослава Игоревича, сокрушивший Хазарский каганат. Стоит отметить, что к середине X в. Хазария достигла своего максимального могущества. Иудейская купеческая верхушка держала в суровом подчинении собственный народ, покорила многочисленные финские, славянские, кавказские племена. Брала с них дань рабами, мехами и другими ценными товарами. Столица каганата, город Итиль, раскинувшийся на берегах Волги и Ахтубы, поражал современников роскошью и величиной. Он протянулся на 8-10 км, в нем строились великолепные дома знати, синагоги, бани, караван-сараи, шумели многолюдные базары. Приезжим купцам здесь готовы были предложить самые экзотические товары, самые изысканные удовольствия – лучшие блюда, вина, наркотики, зажигательных танцовщиц, девушек и мальчиков всяких национальностей, на любой вкус. Выбирай, веселись, абы деньги были. А на острове, отделенном протоками, располагались дворцовые комплексы кагана и царя. Они представляли собой «город в городе». Попасть туда могли лишь избранные. С остальными частями города остров связывали подъемные мосты, в случае опасности или народных волнений они разводились. Богатели и прочие города Хазарии – Самкерц, Таматарха, Семендер, Беленджер.

Долгое время каганат враждовал с Византийской империей. Кипели войны с греческими союзниками, печенегами. Против них хазары привлекали других кочевников, гузов. Постепенно оттесняли печенегов на запад, к низовьям Днепра. Но и отношения с Византией стали меняться. Обе империи пришли к выводу, что выгоднее дружить. Способствовали этому общие интересы – противостоять усилившейся Руси. В Константинополе и Итиле одинаково приходили к выводу, что русских нельзя пускать к морю, надо всемерно ослаблять их. Кому нужно большое и процветающее Киевское княжество? Оно начнет отстаивать свои выгоды, влиять на международные дела, с ним придется считаться. Пускай лучше русские безвылазно сидят в родных лесах, а в Константинополь приходят или рабами, или наемниками, льют кровь за греческое золото.

За века блестящего существования Византия ухитрилась предать всех «варварских» союзников: аланов, готов, гуннов, болгар, антов, армян, тюрков, мадьяр. Сговорившись против русских с хазарами, она предала и печенегов. Греческие дипломаты помогали уломать вождей кочевников, чтобы они не трогали каганат, дозволили ему строить крепости в степях. Линия хазарских белокаменных замков стала продвигаться на запад. Как показывают археологические данные, самые поздние из этих крепостей в середине X в., уже перешагнули Днепр – в селе Вознесенка около Запорожья. Отныне днепровские пороги контролировали не печенеги, а хазары! Теперь они решали, кого пропустить «из варяг в греки», а кого нет, какую дань взять с проезжающих. Но византийцы считали себя в выигрыше. Каменные твердыни перекроют русским дороги к морю гораздо надежнее, чем скопища степняков. А это означало безопасность Константинополя! Это означало, что можно забыть о дани, которую Византия обязалась платить Вещему Олегу и Игорю.

В выигрыше были и хазары. Их царь Иосиф состоял в переписке с визирем Испанского халифата Хосдаи Ибн-Шафрутом, хвастливо рассказывал ему:

«И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины, Он (Бог) подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань – цари Эдома и цари исмаильтян». О границах каганата сообщал:

«Земли наши на запад достигают реки Кузу, на север – до холодной страны йуру и вису. И они покорны нам, страшась меча нашего…» Йуру – югра, населявшая Северный Урал,

висy – племя весь на Белоозере, Кузу – Южный Буг. Перейдя крепостями Днепр, хазары уже считали своими владениями степи до следующей большой реки.

Русь была обширной и многолюдной. Попробуй-ка поработить ее военными операциями! Но зачем война? Ее душили! Щупальца каганата охватывали Русь с двух сторон – с севера, через Верхнее Поволжье и с юга, через Причерноморье. При содействии Византии хазары заключили союз с еще одними друзьями Константинополя – царями Болгарии. Враги «протягивали руки» навстречу, и они почти сомкнулись.

Впрочем, Русскую державу душили не только крепостями и таможенными заставами. В 944 г., организуя поход на греков, князь Игорь крупно влез в долги – нанимал варягов, кочевников. Иудейские купцы охотно предоставили ему займы. Но ведь их требовалось возвращать. Пытаясь набрать нужные суммы, Игорь решил собрать повышенную дань с племени древлян и погиб от руки восставших. Вдове князя св. Ольге пришлось усмирять бунты. Однако долги никуда не делись, на них накручивались проценты. А они были не маленькими, в Средние века ростовщики драли с должников три шкуры. Навар в 100 % в год считался весьма умеренным. За годы нестроения Руси, войны с древлянами, долг значительно вырос.

Сама выплата процентов превращалась в регулярную дань хазарам, страну вовлекали в экономическую кабалу. А за отсрочки или снижение долга заимодавцы требовали различных привилегий. В Киеве разросся еврейский «конец», даже одни из ворот были названы Жидовскими. Этот конец получил права самоуправления, все дела иудеев решал собственный начальник – по сути, хазарский посол и наместник на Руси. Но до поры до времени Ольга не могла выступать против каганата. Хазары были слишком серьезным противником. Вмешались бы Византия, Болгария… Великой княгине приходилось поддерживать видимость дружбы, обходительно принимать ростовщиков и их начальника, внимательно выслушивать запросы. Надо было лавировать, выискивать хитрые ходы. А при этом скрытно, помаленьку, готовиться к схватке с хищным соседом.

Св. Ольга сама ездила в Константинополь. Судя по всему, пробовала убедить императора сменить политические ориентиры. Ведь Русь могла стать для него куда более надежным другом чем Хазария. Но визит принес разочарование. Великая княгиня убедилась: Византия – непримиримый враг Руси. На союз с ней или хотя бы на ее нейтралитет надеяться нельзя. В случае войны обязательно ударит в спину.

Между тем, у государыни подрастал сын Святослав. Мать ему выделила собственный удел – Новгород. Под руководством боярина Асмуда юноша учился быть правителем, постигал военную науку. Из таких же молодых людей, как князь, формировалась его дружина. Для воспитания настоящих воинов недостаточно одних лишь рассказов и упражнений, но в Новгороде были возможности поучиться на практике. Вместе с новгородцами Святослав совершал экспедиции к эстам, финнам, самоедам. Подчиняли племена, облагали данью. Вероятно, князь участвовал и в варяжских морских походах. В этих предприятиях сплачивалась и выковывалась железная, не имеющая себе равных дружина. А сам двадцатилетний Святослав превратился в опытного и умелого начальника.

Нестор рассказывал, что он «легко ходил в походах, как пардус, и много воевал». Без обозов, шатров, котлов. Довольствовался мясом, поджаренным на углях. Спал, «подостлав потник, с седлом в головах. Таковыми же были и все прочие его воины». Лев Диакон описывал портрет князя: «Он был умеренного роста… брови густые, голубые глаза, плоский нос, редкая борода, верхняя губа его была покрыта густыми и вниз спускающимися волосами. Голова была совсем голая, лишь на одной стороне висел клок волос – знак благородного происхождения. Шея толстая, плечи широкие и все сложение очень стройное. Взгляд его был мрачный и суровый. В одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посреди. На нем была белая одежда, только чистотой отличающаяся

от других» (простых воинов). Как видим, «знаком благородного происхождения» у русичей служил тот самый «оселедец», которым впоследствии щеголяли запорожцы, а одна серьга у казаков означала единственного сына у матери – каковым и был Святослав. К административным и хозяйственным вопросам он не питал ни малейшего интереса, старался избегать их. Но новгородским боярам это нравилось. Не лезет князь в их дела, вот и ладно, они как-нибудь сами разберутся. Ольга тоже не настаивала, чтобы сын более внимательно осваивал эти обязанности. Она готовила Святослава к главному делу. Смертельному удару по Хазарии. Даже когда князь вырос, мать сохранила на него огромное влияние, и сложилось своеобразное разделение их функций. Ольга по-прежнему ведала всем гражданским управлением, а Святославу это позволяло не отвлекаться на текущие дела, сосредоточиться на военной сфере.

Великая княгиня продолжала вести активную дипломатию. Она заключила союз с врагом Византии, германским императором Оттоном. Вступила в альянс с Венгрией, договорилась скрепить его браком, сосватала за сына мадьярскую княжну. На Руси ее назвали Предслава. Правда, тогдашние венгры были совсем не похожи на нынешних. Угорские кочевники еще не успели смешаться с европейцами, оставались низкорослыми, коренастыми, с широкими лицами и узкими глазами. Стоит ли удивляться, что Святослав, женившись на союзнице, полюбил другую девушку, холопку матери Малушу. Впрочем, она была не рядовой рабыней, а ключницей Ольги, управляющей хозяйством. Да и рода не простого – ее брат Добрыня был не землепашцем, не ремесленником, а профессиональным воином. Некоторые историки предполагают, что отец Малуши любечанин Малк был не кем иным, как древлянским князем Малом, которого Ольга обратила в неволю и поселила в Любече. Известно, что Малк был очень преданным слугой княгини, вслед за ней крестился, получив имя Никиты. От Малуши родился будущий государь Руси, св. Владимир Креститель…

Но о предстоящем величии нашей державы еще мало кто догадывался. Не только за величие, но за саму жизнь, за свободу, надо было драться. Зато в Византии вдруг произошли крупные перемены. В результате череды переворотов и смут к власти пришел воинственный Никифор Фока. Он загорелся сокрушить сразу нескольких противников. Весь свой флот отправил на Сицилию, очистить ее от арабских пиратов. А сам собрал огромную армию и в 964 г. повел ее на Сирию. Таким образом, силы Византии оказались связаны на двух фронтах. Для Руси наступил самый подходящий момент.

Святослав и Ольга успели к этому отлично подготовиться. Войско было прекрасно вооружено, обучено, умело четко действовать по командам, держать строй под ударами врага. Понеслись быстрые ладьи за море, вербовать дополнительные контингенты варягов. Киевские правители присмотрели и новых союзников. Хазары, добравшись крепостями до Днепра, начали без стеснения прижимать печенегов, уже считали их подданными. Кочевникам это никак не могло понравиться. Но каганат поссорился и с гузами, которых использовал против печенегов. Вроде, их помощь больше не требовалась. Так зачем заигрывать, подарки посылать? Начали обращаться пренебрежительно, захватывать в рабство. В Киеве такие вещи отслеживали. Теперь пришла пора, к печенегам и гузам помчались русские послы.

План кампании был разработан заранее. Идти на Итиль напрямую, через Причерноморье, было самоубийством. На этом направлении стояло три сотни крепостей, хазары за столь внушительной «изгородью» чувствовали себя в полной безопасности. Другой путь в Хазарию, через Верхнюю Волгу, тоже перекрывали кордоны, города и крепости хазарских вассалов. Ввяжешься в затяжные сражения, с тыла ударят союзники каганата, болгары, подключатся византийцы. Нет, действовать надо было быстро, и сразу же добиться полной победы.

Существовал третий путь, по Оке, через земли вятичей и муромы, и он выводил прямо в сердце каганата. Правда, и здесь можно было завязнуть надолго. Осаждать лесные крепости вятичей было не легче, чем каменные замки. Но каганат сгубила близорукая жадность

его властителей. Держава выглядела несокрушимой и вечной – от «реки Кузу» до «холодной страны йуру и вису», все покорны, «страшась меча нашего». Кто посмеет покуситься на Хазарию? А если так, то и с подданными можно было не церемониться! Вятичи прикрывали важный участок границы, но с них драли высокую дань, не звериными шкурками, а серебром, «по шелягу с плуга». Поэтому посланцы Святослава сумели договориться с племенем.

Все приготовления осуществлялись в глубокой тайне. В Киеве Великая княгиня не обнаруживала ни малейшего намека на скорые перемены. Хазарские дипломаты и купцы пребывали в уверенности, что их по-прежнему боятся, заискивают, готовы уступать. Самодовольно высчитывали русские долги, жульничали с процентами. Прикидывали, что еще они смогут потребовать от благосклонной, не желающей их раздражать государыни. А она лишь по ночам давала волю истинным чувствам. Святая Ольга горячо молилась. Не могла доверить секретов никому, открывалась только Богу. Да, ее сын оставался язычником. Но ведь и Тит Флавий, разрушивший Иерусалим, был язычником! А в Итиле верховодили потомки тех самых иудеев, которые распяли Христа. Неужели Господь не поможет?

А в глубине страны, подальше от иудейского квартала Киева и от византийских соглядатаев, собирались войска. Их скрытно перебрасывали на Черниговщину, в селения северян. Операция началась глубокой осенью 964 г. Постарались выбрать время буквально накануне ледостава! Святослав двинулся вверх по Десне. От истоков этой реки ладьи перетаскивали в притоки Оки. Тут начинались владения вятичей. Они уже ждали. Был собран урожай, позволивший кормить войско. Хазар, которые находились в их городах, вятичи с большим удовольствием перерезали. И тут как раз на реках начал становиться лед, повалили снега – наступала зима. Она на несколько месяцев надежно отрезала лесной край от Итиля. Таким образом, в Хазарию не просочилось никаких известий, ее правители даже не подозревали об опасности.

Святослав зимовал у вятичей, ремонтировал суда, строил новые. Провел переговоры с муромой, и племя охотно согласилось вернуться в состав Руси. А весной 965 г., едва сошел лед, вниз по реке поплыли лодки с гонцами. Они несли три грозных слова: «Иду на вы!» Эти слова грянули, как гром среди ясного неба. Ошеломили, внесли панику. Хазары и их сателлиты до последнего момента не ведали, что над ними нависает беда. А теперь предпринимать что-либо было уже поздно. Следом за гонцами на Волгу выходила могучая русская флотилия. Погромила Волжскую Болгарию, буртасов. Они тоже были подневольными данниками каганата, но разве не помогали ему? В 912 г. вместе с хазарами подло истребили армию русичей. Вот и пришла расплата.

В Итиле хазары успели сорганизоваться. Подняли наемную хорезмийскую гвардию, вооружили горожан, приняли бежавших болгар и буртасов. Но Святослав на это и рассчитывал, когда посылал дерзкий вызов. Пусть враги соберутся в кучу, чтобы покончить с ними разом. К князю подошли союзники. С правого берега Волги – печенеги, с левого – гузы. Хазарское воинство вывели в поле царь Иосиф и марионеточный каган из рода Ашина, история даже не сохранила его имени. «И соступишася на бой, и бысть брань, одоле Святослав козар». Каган пал в рубке. Иосиф исчез без вести. Преследуя и топча бегущее хазарское ополчение, русичи ворвались в Итиль. Мегаполис, раскинувшийся на несколько километров, был разрушен и сожжен дотла. Исчезли, развеялись черным дымом сказочные дворцы, роскошные дома, увеселительные заведения.

А сколько рабов и рабынь обрели свободу? Тех, кто трудился в поте лица на иудейских хозяев, кто ублажал их. Тех, кого держали в бараках работорговцы, выставляли нагими перед покупателями. Тех, кто уже был продан и ждал отправки в далекие страны… Сколько людей обливались счастливыми слезами и обнимали соплеменников – русичей, вятичей, муромчан, печенегов, гузов? О них нигде не упоминается. Но ведь они были. Зато хазарам попало крепко. Ибн-Хаукаль писал, что от них «не осталось ничего, кроме разбросанной неполной

части». Они прятались на волжских островах с надеждой «остаться по соседству со своими областями» – вернуться домой, когда русичи уйдут. Но «народ рус… рыскал за ней», за этой «неполной частью». Гнездо нечисти выводили под корень, чтоб больше не возродилось.

Уничтожив Итиль, часть русской армии отправилась на Терек, стерла с лица земли прежнюю хазарскую столицу Семендер и Беленджер. А сам Святослав и костяк его дружин переволокли ладьи с Волги в Иловлю, выплеснулись на Дон и взяли Саркел. Это была не просто крепость, а центр хазарского пограничного командования. Отсюда осуществлялось управление всей системой крепостей. Раскопки показали, что Саркел был захвачен с жестоким боем и снесен до основания. На его месте Святослав велел строить русскую крепость Белая Вежа.

По Дону князь вышел в Азовское море, разгромил Самкерц и Таматарху. Одним походом были сокрушены все крупные города Хазарии! Святослав ставил целью не победить каганат, а полностью ликвидировать его. Срубить чудищу все головы одним махом. Он и срубил их. А брать сотни замков, перегородивших степи между Доном и Днепром, вообще не потребовалось. Как только пали Итиль и Саркел, хазарские гарнизоны, которым русичи вышли в тыл, бросили крепости и бежали к своим друзьям, в Болгарию. Святослав повоевал еще на Северном Кавказе, побил хазарских вассалов, ясов (аланов) и касогов. Они разделились. Одни вслед за хазарами рванули к болгарам, другие примкнули к русским. Некоторых ясов и касогов князь «приведе Киеву» и поселил в его окрестностях.

Но блестящая кампания 965 г. этими успехами не ограничилась. Перед Русью стояла еще одна жизненно важная задача – утвердиться на море. Святослав ее тоже решил, причем легко, как бы между делом. По дороге домой его войско прошлось по византийским владениям в Приазовье и Северном Крыму. Пограбили 10 городов и 500 деревень. Но население в этих краях было смешанным. Вместе с греками издавна селились славяне, вступали в браки друг с другом. Один из византийских топархов (начальников провинций, его имя осталось неизвестным) сокрушенно записал, что большинство его подчиненных «жило по обычаям варваров», и при нашествии русичей «города и народы добровольно к ним присоединялись». Даже местная знать отказалась слушаться топарха, единогласно постановила подчиниться Святославу.

Всего за один год карта Восточной Европы изменилась до неузнаваемости. Огромный Хазарский каганат исчез, а владения Руси распространились по Оке, выплеснулись к Азовскому и Черному морям.

Александр Невский – святой витязь России

Один из Небесных покровителей нашей страны – св. благоверный великий князь Александр Невский. Жить и править ему довелось в очень непростую эпоху. Как раз в XIII в. особенно откровенно стал проявляться агрессивный характер западного мира. Причем даже в те далекие времена западная экспансия отнюдь не ограничивалась военными кампаниями. Она широко дополнялась идеологическими, пропагандистскими операциями, соблазнами «европейского образа жизни», внедрением иностранных коммерческих и финансовых корпораций.

Жертвой этого натиска стала православная Византия. Она встала на путь западничества, широко распахнули двери зарубежным советникам, купцам, ростовщикам. В итоге великая империя за сотню лет развалилась и была оккупирована крестоносцами. Но и Русь была недалека от подобной участи. Среди знати стали популярными западнические настроения, моды, нравы. Прибалтика поначалу зависела от русских. Латыши платили дань Полоцку, эстонцы Новгороду. Но полоцкие князья сами запустили в Латвию немецких проповедников, дозволили строить укрепленные селения. Культурные люди, почему бы не пустить? А когда опомнились, было уже поздно. Немцы одного за другим давили полоцких князей, отбирали их владения.

Но другие властители или враждовали с пострадавшими или оставались равнодушными – не их бьют. Некоторые князья в это время считали полезным родниться с немцами, поляками, венграми, переходили к ним на службу, меняли веру. Новгородцы спохватились только тогда, когда немцы из Латвии полезли в их угодья, в Эстонию. Но крестоносцы пообещали платить такую же дань, как эстонцы. С данью, кстати, обманули, зато поманили купцов и бояр другими выгодами.

Еще в 1228 г., князь Ярослав Всеволодович, отец Александра, намеревался сокрушить немцев, готовил большой поход в Прибалтику. Уже пришли многочисленные владимиро-суздальские полки. Но неожиданно граждане Пскова закрыли перед князем ворота. А высший орган власти Новгорода, демократическое вече, вдруг постановило, что тоже не будет воевать с немцами, потребовало удалить владимирские полки. Следом за полками выгнали в шею самого князя.

Ларчик открывался просто. В данное время богатые германские города создавали торговый и политический союз, Ганзу. Участием в эдакой «всемирной торговой организации» очень заинтересовались и русские толстосумы. Еще с 1227 г. верхушка Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка вела в Риге тайные переговоры. Смоленск и Полоцк заключили договоры с Рижским епископом и Ганзой, а Новгороду и Пскову князь перешел дорожку! Они подписали договоры только после изгнания Ярослава, в 1230 г. Хотя надо отметить, что переговоры шли не только на торговые темы. В них участвовал полномочный посол папы римского, епископ Моденский, и настроения партнеров были настолько обнадеживающими, что он восторженно писал в Ватикан – русские запросто обратятся в католицизм!

Папа Гонорий III обрадовался, разослал грамоту ко всем русским князьям. Обещал им благоденствие «в объятиях латинской церкви», просил выразить на это «добрую волю». Но выгода для Новгорода с Псковом оказалась сомнительной. Договоры о вступлении в Ганзу стали неравноправными, немцы хлынули на их рынки, а на свои не пускали. Когда-то новгородцы славились как мореходы – теперь их плавания осталось лишь в былинах про удалого Садко. Русское кораблестроение и путешествия по Балтике иноземцы стали пресекать. Зато Ватикан и крестоносцы постарались втянуть псковичей и новгородцев в политическую зависимость. Использовать против своих же собратьев!

Среди адресатов папского приглашения к сотрудничеству были «суздальский король» Юрий Всеволодович и его брат Ярослав (недавно изгнанный из Новгорода). «Выражать добрую волю» на измену православию они не спешили. Наоборот, велели католическим проповедникам выехать из своих владений. Тогда западные партнеры подтолкнули новгородцев и псковичей развязать войну против Юрия и Ярослава! Их объявили врагами республиканских «свобод», вечевой «демократии». Хотя в XIII в. подобные лозунги не обманули большинство русских людей. Простонародье любило Ярослава. Когда бояре объявили, что с ним надо сражаться, чернь восстала и свергла прогерманскую партию. Предатели бежали к немцам. В Новгород вернулся Ярослав Всеволодович, и рыцарей он все-таки вразумил, в 1232 г. разгромил на льду реки Эмайыги. Крестоносцы запросили мира, от попыток подмять Псков и Новгород им пришлось отказаться. А рядом с Ярославом учился воинскому мастерству его 11-летний сын Александр.

Но вскоре ситуация переменилась. В 1237 г. на Русь хлынули орды Батыя. Горели Рязань, Москва, Владимир, на Сити погиб великий князь Юрий Всеволодович. И в это же время римский папа Григорий IX объявил крестовый поход «против язычников и русских»! Успех выглядел стопроцентным. Русские были обескровлены. При посредничестве папы заключили союз Ливонский орден, Дания и Швеция, в 1238 г. подписали соглашение в Стэнби. А в России у немцев по-прежнему было немало сторонников. Теперь у них появился дополнительный аргумент – надо отдаться иноземцам, и они защитят от татар…

В литературе почему-то принято разделять нападения немцев и шведов. На самом деле это были части единого плана. В 1240 г. шведы должны были ударить на Новгород от Невы, а немцы от Пскова. Биргер только чуть-чуть опередил. Поэтому он не спешил, расположился лагерем. Начнут наступление крестоносцы – и русские замечутся меж двух огней. Но молодой князь Александр подозревал о двойной опасности. Знал и о том, что вече ненадежно. Он обошелся без веча, без мобилизации общего ополчения. Кинулся на врага с личной дружиной и горстью добровольцев, зато появился на Неве стремительно и одержал свою первую победу, заслужив прозвище Невского.

Успех был исключительно своевременным. Немцы запоздали всего на пару недель. Штурмом взяли Изборск, обложили Псков. Город с каменными стенами мог держаться долго, но боярин Твердило Иванкович с сообщниками вступили в переговоры и в сентябре 1240 г. сдали Псков. Признали подданство Ордену, за это Твердило был назначен немецким наместником. От Новгорода до Пскова было ближе, чем до Невы. Князь вполне успел бы на выручку. Но… в Новгороде тоже взяли верх «твердилы иванковичи»! Бояре на вече запретили Невскому собирать войско, мало того, возбудили бунт. Князя, только что спасшего Новгородскую землю, выгнали вон! Он уехал в свой родовой Переславль-Залесский.

Однако русские западники просчитались. Оккупанты рассудили, что с ними можно больше не заигрывать! Псков покорился. На другом участке, северном, рыцари пересекли границу, подкупили старшин племени вожан, построили крепость Копорье. Крестоносцы бесцеремонно делили деревни, свободных русских крестьян превращали в рабов. Всю торговлю подмяли рижские купцы. В Пскове разместился немецкий гарнизон и два правителя-фохта. Они сами вводили законы, поборы, непокорных казнили. Перекрещивали русских в католицизм, папа заранее отдал Новгородскую землю епископу Генриху Эзельскому. Предателям оставили лишь роль прислужников – выполнять указания хозяев. От Копорья и Пскова рыцари совершали набеги, жгли деревни, резали и угоняли людей возле самого Новгорода. Призадумались даже те, кто сперва склонялся поддаться Ордену. Не того ожидали…

Воззвали о помощи к великому князю Владимирскому Ярославу, к его сыну Александру. А кто же еще мог спасти Новгород? Ярослав во время татарского нашествия сумел сохранить ядро владимирских полков, Александр был непревзойденным полководцем. Но он был и настоящим христианином, обид не поминал. Потребовал только одно: полноту вла-

сти на время войны. Первым контрударом отбил Копорье. Осенью 1241 г. отец прислал ему владимирские полки, и Александр решительным штурмом освободил Псков. Но и неприятели собирали все силы – поднялись рыцари Ливонского ордена, датчане. Тогда-то и случилось Ледовое побоище.

Фальсификаторы силятся принизить его значение, ссылаются на якобы небольшие потери – 400–500 рыцарей. Забывая, что рыцари – это знатные бойцы, командиры подразделений. Для сравнения, в 1214 г. в битве с французами при Бувине пало 70 германских рыцарей, и вся Европа говорила о тяжелом поражении немцев. На Чудском озере рыцарей погибло 400–500, да еще 50 попало в плен! Эта цифра не касается простых воинов, их никто не считал, трупы валялись «на семи верстах». Летописи отнюдь не случайно назвали сражение «побоищем». Масштабы разгрома подтверждает и реакция врагов. Немцы пребывали в полном шоке, ждали вторжения, магистр Ордена Балк умолял о спасении датского короля, папу. Но Александр трезво оценивал, что бороться за Прибалтику Русь сейчас не в состоянии. Победу он использовал, чтобы заключить мир. А врагов он предупредил весьма красноречиво, слегка перефразировав слова Евангелия: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла, и стоять будет земля Русская».

Что ж, битва на Чудском озере была воспета во многих произведениях, фильмах. Но она невольно заслонила собой другие достижения св. Александра. Князь чуть ли не десяток раз громил литовцев, пресекал их набеги на Русь. Он возрождал после Батыева нашествия города, храмы, административные структуры. Но перед святым князем встал еще один подвиг. Подвиг величайшего смирения. Требовалось склонить голову перед Ордой! Впервые со времен образования Русской державы покориться чужеземцам! Впрочем, самой-то державы не было. Россыпь удельных княжеств, перессорившихся между собой, никак не могла противостоять ханским полчищам. Можно было героически погибнуть. Но… это значило окончательно погубить Русь.

Александр осознал это. Он взял на себя подвиг смирения. Очень трудный подвиг. У него отравили отца. Ему самому приходилось ездить на поклон то на Волгу, в Сарай, а то и за тридевять земель, в монгольский Каракорум. Правда, существовала альтернатива. Союз с Западом против Орды! Папа Иннокентий IV дважды направлял к Невскому солидные посольства во главе с кардиналами Гольдом и Гементом, писал личные послания. Соблазнял перейти в латинскую веру, обещал за это всяческую поддержку, союз с крестоносцами.

Александр отлично разобрался, куда нацелена папская дипломатия. Подставить Русь, стравить ее с Ордой. Отвлечь татар от походов на Европу, пускай добивают русских. А Запад приберет к рукам то, что останется от нашей страны. На примерах Византии и недавней оккупации Псковщины было видно – европейцы видят в русских княжествах никак не союзников, а добычу. Было видно и другое. Западные захватчики, в отличие от монгольских ханов, не довольствуются данью. Они не оставляют завоеванным землям никакой самостоятельности, ни духовной, ни политической. Порабощают полностью, уничтожают православие.

Князь ответил Иннокентию с изрядной иронией:

«От Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от разделения языков до начала Авраама, от Авраама до прохождения Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти царя Давида, от начала царства Соломона до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царства Константинова, от начала царства Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого все хорошо ведаем, а от вас учения не принимаем». Вскоре после такого ответа Невский тяжело заболел. Судя по всему, был отравлен. Его считали безнадежным, но он все-таки выжил.

А последствия, к которым привел бы противоположный выбор, история представила нам весьма наглядно. На Руси было два столпа, два выдающихся военачальника и политических деятеля, св. Александр Невский и Даниил Галицкий. И вот он-то принял иное решение. Заключил с папой соглашение о подчинении ему русской церкви, принял из Рима королевскую корону. Он втянул в союз и недалекого брата Невского, Андрея. Но папа объявил крестовый поход одновременно против татар и… русских. В 1253 г. западная коалиция двинулась в наступление в весьма любопытном сочетании. На одном фланге ливонские крестоносцы осадили Псков. На другом Даниил Галицкий с литовцами выступил на Киев.

Нет, среди псковичей и новгородцев изменников больше не было. Немцам вломили так, что мало не показалось. А Галицкий побил было татар, но вдруг узнал, что союзные литовцы жгут и грабят его собственные города. Повернул на них. Между тем, ордынцы разгромили незадачливого Андрея Ярославича. А потом нахлынули на владения Даниила Галицкого. Велели князю и его подданным самим разрушить свои крепости, выделить рати против литовцев, поляков. Южная Русь превратилась в поле боя, была совершенно опустошена. Вскоре литовцы с поляками поделили ее и окончательно прибрали к рукам.

Благодаря мудрой политике Александра Невского Северная Русь устояла. Но давалось это совсем не дешево. В наше время расплодились байки, будто никакого ордынского ига не было а сформировался взаимовыгодный симбиоз Орды и Руси. Это не более чем дешевые псевдосенсации. Период, более менее напоминавший сотрудничество, оказался коротким – в правление Батыя и его сына Сартака. Но в Орде стал фактически возрождаться Хазарский каганат, уничтоженный триста лет назад. В Сарай нахлынули потомки хазар – хорезмийские купцы и иудеи из черноморских городов. Организовали переворот, возведя на престол своего ставленника Берке. Он нуждался в деньгах на строительство новой столицы Сарая-Берке, собирался воевать с родичами, иранскими Хулагидами – не поделил с ними Закавказье.

Купцы давали сколько угодно золота, а в оплату брали на откуп сбор дани. По городам появились «бесермены и жиды» с отрядами, бесчинствовали, грабили народ, в счет долга хватали невольников. Ну а князья получили приказ хана вести к нему войска, идти на Кавказ. Хотя эти планы ордынцев оказались скомканными. В Ярославле, Устюге, Владимире, Суздале, Костроме, Ростове русские люди не выдержали насилий и разгула откупщиков, поднялись истреблять их. Берке разъярился, готов был кинуть на Русь карателей.

Что оставалось делать великому князю? Он мог казнить первых попавшихся участников мятежа, откупиться от хана их головами. У Александра как раз изготовились полки к новому походу на Орден. Надо было привести к Берке, задобрить его – вот, мол, готовы биться за тебя. Русские воины отправятся в неведомые края, будут гибнуть не пойми за что в ханских раздорах… Нет, Александр не стал карать своих подданных, и приказ выставить войско он тоже не выполнил. Вместо Кавказа он отдал ратникам последнюю команду – вперед, на Эстонию. А к хану поехал один. На верную смерть. Какая же еще кара могла ожидать его за бунт и явное неповиновение?… Последний поход, организованный Невский был, как и все его походы, победным. Сын Дмитрий и брат Ярослав штурмом взяли мощную крепость Дерпт, Орден запаниковал, заключил мир «на всей воле» русских.

Но сам Александр в это время фактически жертвовал собой. Предстал перед Берке, пытаясь уберечь родную страну. Правда, аргументы он продумал толково и неотразимо. Дать войска? Помилуй, великий царь, но это значит оголить границы твоего собственного улуса. Отдать его немцам. Мятеж? В нем виноваты сами откупщики. Русь не отказывается платить, но если напрочь разорять людей, как они заплатят? Зачем резать курицу, которая несет золотые яйца? А не правильнее ли будет вообще убрать откупщиков? Чтобы дань собирали русские князья, а не приезжие лихоимцы?

Случилось чудо. Берке не казнил Александра, не послал карателей. Потому что Невский был абсолютно прав. Даже с ханской точки зрения все получалось логично. Хан согла-

сился с князем. Но он раскусил и другое: Невский ведет собственную политику. Не для него, не для Орды, а для Руси. Берке больше не доверял Александру. Помиловал, а домой ехать не дозволил. Всю зиму 1262 г., весну и лето 1263 г. князь оставался в Сарае, кочевал с ханской ставкой по степи. Сказались и чрезвычайное нервное напряжение, и непривычный климат. Александр тяжело заболел. Лишь тогда Берке отпустил его. В дороге стало хуже. В Городце-Волжском у брата Андрея он совсем слег. Ему исполнилось всего 43 года, но он отдавал себя без остатка – и отдал. Сгорел ярко и быстро.

Напоследок Александр попросил постричь его в схиму. Так исполнилась его юношеская мечта о монашестве. Кротко просил у всех прощения, причастился Св. Таин… Во Владимире в это время митрополит Кирилл совершал службу в Успенском соборе. Вдруг он был поражен видением. Перед ним стоял сам Александр. Тихий, светлый. Посмотрел на святителя и стал удаляться в вышину, растаял. Митрополит догадался, что это означает. Вышел к людям со слезами и сказал: «Зашло солнце земли Русской!». Никто не понял его, и Кирилл выдавил сквозь рыдания: «Чада мои милые, знайте, что ныне благоверный князь великий Александр преставился!» Ответом ему был общий, единодушный вопль: «Погибаем!..»

Это было действительно так. Св. Александр оказался последним государем, чей колоссальный авторитет и таланты удерживали от распада хотя бы северную часть Руси. Невского не стало, и она обрушилась хаос вслед за южной. Рассыпалась на удельчики. Александра вполне мог заменить его сын Дмитрий, честный, глубоко верующий, блестящий полководец. Однако новгородцы взбунтовались и выгнали его ради демократических «свобод». Против него выступил даже родной брат Андрей. Решил захватить престол великого князя, оклеветал Дмитрия перед ханом, стал приводить против него татар, без разбору выжигавших и грабивших русские города. В драки вмешались тверские, ростовские, ярославские князья.

И все-таки Господь не оставил нашу страну. Самый младший сынишка Невского, Даниил, родился за два года до смерти отца. Наследство ему досталось совсем бедненькое. Окраинный городишко Москва на границе со смоленскими и рязанскими владениями. Даниил не полез в месиво усобиц. Он занялся хозяйством. Принялся благоустраивать и налаживать свое маленькое княжество. К нему из разоряемых земель стали перетекать люди. Между прочим, он тоже стал святым – св. Даниил Московский. В круговерти мрака и погибели возник росточек новой Русской державы.

А св. Александр заслужил в народе репутацию защитника родной страны. Люди молились ему при татарских нашествиях на Москву, в лихолетье Смуты, в борьбе со шведами за Балтику. Кстати, в 1941 г. в сражении под Москвой Калининский фронт нанес отвлекающий удар 5 декабря. Ну а главный удар Западного и Юго-Западного фронтов смял немцев именно 6 декабря. В день св. Александра Невского. Как вы думаете, случайное ли совпадение?

Гибель Византии – урок для России

«Москва – Третий Рим»… Мы воспринимаем эти слова в качестве привычной, хорошо всем знакомой поговорки и редко задумываемся о содержании. Что ж, данная концепция и впрямь родилась очень давно. Когда пал «Второй Рим» – Константинополь. Но в это же время сбросило остатки ордынской зависимости и стало усиливаться другое православное государство – Россия. Иван III, сочетавшись браком с родственницей византийских императоров Софьей Палеолог, перенял герб погибшей державы – двуглавого орла. А в XVI в. ученый инок Филофей сформулировал идею преемственности между Римом, Константинополем и Москвой, которая стала официальной государственной доктриной: дескать, «Первый Рим» и «Второй Рим» пали, прогневив Господа накопившимися тяжкими грехами, повреждением нравов и христианской веры, Москва – «Третий Рим», стоит незыблемо, «а четвертому Риму не бывать».

Да, в ту эпоху было легко и лестно проводить подобные параллели. Конечно же, русская идеология отнюдь не сопоставляла свою державу с Римом и Константинополем времен их упадка, а имела в виду периоды их расцвета и могущества, мирового авторитета. Ведь сама-то Московская Русь была относительно молодой, энергичной – росла, развивалась, строилась, украшалась. У нее вершина величия и славы лежала где-то впереди. А о дальнейшем еще можно было не задумываться… Но минула половина тысячелетия, и ситуация изменилась. И во времена нынешние стоило бы приглядеться к другим периодам жизненного пути «предшественников».

Обычно наши современники представляют гибель Византии поверхностно – дескать, пришли завоеватели-османы, разгромили несчастную империю и водрузили полумесяц вместо креста над храмом Св. Софии. На самом деле все было не так просто. Не так быстро. И далеко не так «героически». Крах великой державы – не единовременное событие, а длительный и мучительный процесс. И если разобрать реальную историю «Второго Рима», то вдруг оказывается, что она во многом напоминает… историю «Третьего». России. Нет, я вовсе не хочу сказать о некой «роковой повторяемости» судеб или буквальных хронологических совпадениях. Тождества, конечно же, нет и быть не может. История различных государств зависит и от особенностей той или иной эпохи, и от международного окружения, национальных характеров, традиций, природных факторов и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.